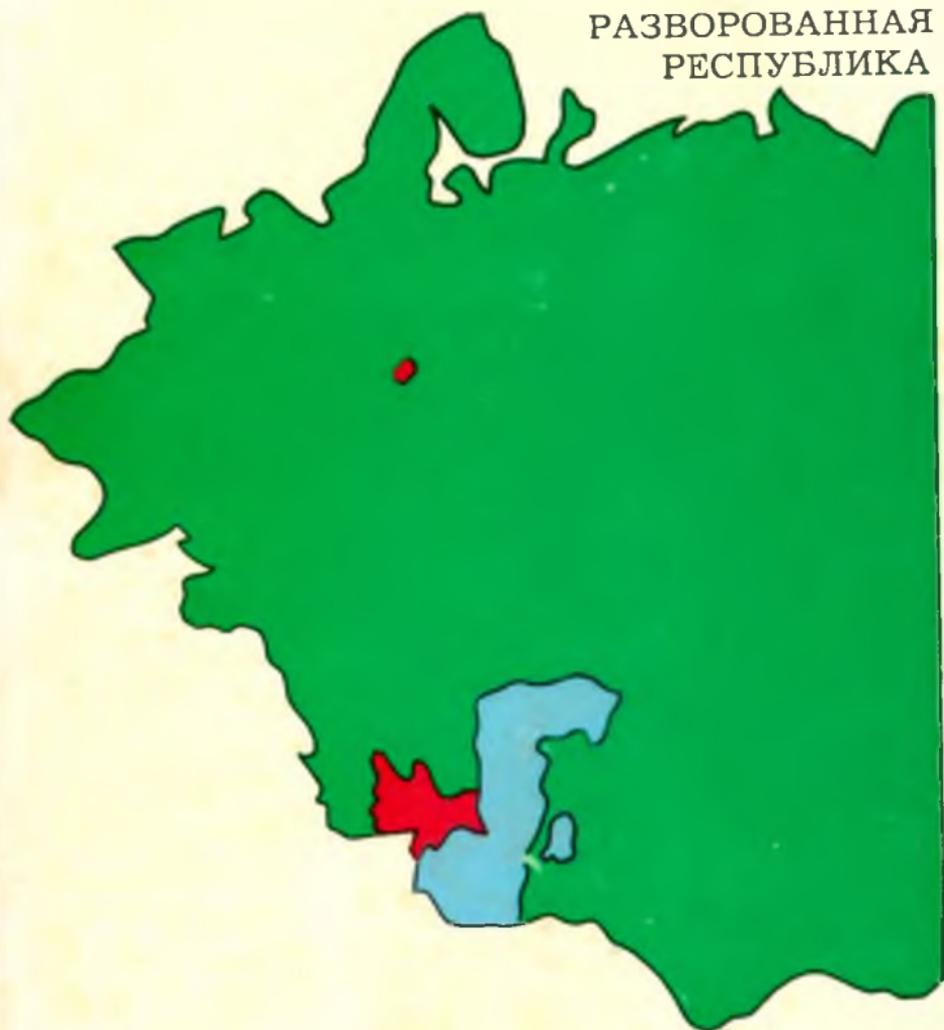

ИЛЛЯ ЗЕМЦОВ

**ПАРТИЯ
ИЛИ
МАФИЯ**

РАЗВОРОВАННАЯ
РЕСПУБЛИКА

LES EDITEURS REUNIS PARIS

ИЛЬЯ ЗЕМЦОВ

ПАРТИЯ ИЛИ МАФИЯ ?

Разворованная республика

Les Éditeurs Réunis

11, rue de la Montagne Ste Geneviève 75005 Paris

КРАТКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот рассказ — не документальная повесть, а повествовательные документы. События изложены в том виде, в котором они были известны автору, и основаны на документах, к которым он по характеру своей работы имел доступ.

« История — это история ленинизма, история осуществления великих ленинских идей... »

(Из выступления Г. Алиева на пленуме ЦК КП Азербайджана) — газета « Бакинский рабочий » 6 августа 1969 года.

13 февраля 1970 года жительница Кировобада Рубаба Гусейнова — 42 года, образование начальное, разведенная, трое детей — облила себя керосином и подожгла. 13 лет жила в подвале, 19 раз просила в горисполкоме квартиру, 20-й отказ не перенесла. В записке, оставленной покойницей, прочли: « Теперь дадут! ».

« В книге отзывов музея имени Ленина в Баку участились хулиганские записи, —

сообщал в ЦК КП Азербайджана директор музея Багиров... — 4 мая 1972 года неизвестный написал: «Смердящему покойнику — ничто! — отгрохали 5-этажный особняк, а люди живут в бараках. Приезжайте, посмотрите — в Завокзальном районе».

Глава I

Н А Ч А Л О

С чего начать? Это всегда сложно. Может быть, с самого обыденного?

...Очередь, прижавшаяся под дождем к стене дома, вызывала тревогу, боязнь, жалость. Здесь, в Кировобаде, грязном городке на западе Азербайджана, — сотни очередей. Лица бледные, землистые, заостренные, без единой кровинки.

На лицах отчаяние, смирение, полная бесшабашность, тупая покорность. Обувь разбитая, одежда грязная. Стояли всю ночь под проливным дождем.

Рядом новое здание уголовного розыска с серыми колоннами. Возле ворот объявление: «Разыскиваются милицией». Ниже — мрачные физиономии тех, кто обвинен в убийстве, краже со взломом, насилии. В крошечном скверике, на гранитном постаменте, бронзовый человек загажен голубями. Одна рука сжимает кепку, другая судорожно протянута к прохожим. Кажется, бронзовый человек охвачен тяжелой мыслью — разве такую жизнь я хотел создать?..

Люди в очереди — в тесном плену отчаяния. И услужливая фантазия рисует, что вот они, оскорбленные, сейчас рванутся с места и... И тогда их фотографии появятся на стенде: «Разыскиваются милицией».

Но сегодня, как и вчера, толпа угрюма и спокойна. Участковый, наблюдающий за порядком, без дела поглядывает на часы, потягивается, ждет рассвета. Утром очередь разбухнет, растянется, и тогда не зевай, посматривай на ладони, на которых химическим карандашом — номер очереди.

На всех в магазинах хлеба не хватает. Мясо и масло по пятницам распределяется на предприятиях по талонам месткома. Хлеб же — не решаются: боятся паники.

В районных газетах Азербайджана в 1969 году появлялись небольшие сообщения о затруднениях с хлебом, вызванных недостатками снабжения, изредка — неурожайным годом. Никогда не объяснялось, что администрация республики, торопясь отрапортовать Москве об успешных хлебозаготовках, насильственно реквизировала («скупала») весь хлеб у колхозников. Затем часть зерна, непригодного для посева на юге, возвратила. 72 процента хлебов не взошло.

Так сходятся, вопреки геометрии, параллели: партийные бюрократы меряют жизнь мерой своего тщеславия — заверяют Москву в способности обеспечить республику собственными продуктами, а жители городов с сумерек вытягиваются унылыми хвостами у хлебных магазинов.

Кировобад — не весь Азербайджан, но здесь с января 1969 года в драматической ситуации обнажилась давно захлестнувшая республику коррупция — то, что спустя несколько месяцев, на чрезвычайном пленуме ЦК КП Азербайджана 14 июля 1969 года, будет названо «субъективизмом неудовлетворительного руководства».

А пока что 24 апреля.. В вычурном зале оперного театра партактив республики поднялся с мест, восторженно приветствуя первого секретаря ЦК КП Азербайджана Вели Юсуповича Ахундова.

Невысокого роста, Ахундов, как из одного куска мяса, — рыхлый, болезненный. Но под буграми жира двигался еще один человек — живой, находчивый, с умными и внимательными глазами. Известно было, что он понемногу разбирается в музыке, литературе, театре. Сейчас он улыбался, кокетливо прижав руки к груди, раскланивался.

В тот день, когда состоялся партактив, в республике простаивало 98 предприятий — не завезли сырья. В совхозах рабочим не выплатили зарплату: по Министерству сельского хозяйства перерасходован фонд зарплаты.

Когда Ахундов подошел к трибуне и начал говорить, в милицейских участках республики дежурные дописывали рапорты о случившихся прошедшей ночью кражах — 196, насилиях — 92. Ничего особенного, днем раньше их было не меньше.

Когда Ахундов заканчивал свою речь,

уполномоченные уголовного розыска и судебно-медицинские эксперты склонились над телами убитых — в тот день их было 12. (В больницах оказывали первую помощь раненым — 72 человека.) Начальник управления милиции полковник Рзаев размышлял, как быть с изнасилованными: подождать до вечера, может быть, пострадавшие, боясь огласки, попросят не открывать дел...

Когда Ахундов благодарил 1755 человек за теплый прием и аплодисменты, по данным Министерства просвещения Азербайджана в республике насчитывалось 49 тысяч взрослых, не умеющих читать и писать, 32 тысячи детей, не посещавших или бросивших школы. В Баку, в больнице им. Семашко в этот момент врачи отказывались делать операцию аппендицита, поскольку отец ребенка, генерал Рожков, был в отъезде и не мог дать причитающуюся в подобных случаях взятку в 200 рублей. Еще через несколько часов мальчик умрет от перитонита. 1)

В Азербайджане насчитывается больше жилых домов без воды, электричества и уборных, чем во всей Западной Европе. В республике колония трущоб. Только в одном Баку 32 процента населения жило в коммунальных квартирах, где на каждого чело-

1) Данные взяты из Общего отдела ЦК КП Азербайджана. Впервые о них рассказал первый секретарь Бакинского горкома партии А.Г. Керимов на пленуме ЦК КП Азербайджана 3 декабря 1970 г.

века приходилось менее 10 метров жилой площади. И везде — ненависть.

Жажда наживы создала в Азербайджане атмосферу, в которой жить становилось невыносимо: протекционизм, местничество. Жены подменяли на должностях своих мужей, в семейном кругу решались государственные проблемы. Республика давно разделена на сферы влияния. Подкуп, взяточничество.

Это известно всем, об этом говорил каждый. Партия — «ум и совесть эпохи» — захочет «узнать» это в середине июля. Ахундова снимут. Но пока апрель. Есть еще два месяца и двадцать дней. И когда Ахундов в сопровождении своей услужливой свиты и угодливых филеров из госбезопасности проходил к своей машине, перед ним заискивающе улыбались, подобострастно жали руку.

Но вот пожилая женщина, ловко увернувшись от милиционеров, бросилась к Ахундову, упала на колени, протянула прошение. Надеялась — помогут: семья из одиннадцати человек 13 лет живет в сыром подвале, дети больны малярией. Старик девяноста двух лет парализован...

Слухи рассказывали о «душевном» Ахундове и «корыстных» подчиненных, которые обманывают доверчивого секретаря. Стоит лишь встретиться с Ахундовым, говорили, и зло рассеется, справедливость утвердится. Сотнями, в иные дни тысячами, у здания ЦК КПАз собирались обиженные и ждали, жда-

ли часами. Милиция разгоняла толпу, а Ахундов проскальзывал с черного хода.

Простодушные граждане атаковали его машину, но в ней сидел невозмутимый телохранитель Аскер, и, еще раз обманутые, недовольные, люди растекались по соседним улицам и переулкам. Ахундов иронически наблюдал из окна, Аскер посмеивался: игра продолжалась уже много лет — в правительственной черной «Чайке» катался телохранитель, в простенькой «Волге» — Ахундов.

Аскер был скромен, свою роль он выполнял с достоинством, не бравировал, не хвастал. Знал — вознаградят. В 34 года — подполковник и мечтал о партийной карьере. А почему бы и нет? Смог же его предшественник Садыков стать заместителем Председателя Совета Министров.

* * *

В президиуме Академии Наук СССР ждали высокого гостя. Дюжина тучных академиков, разомлевших от жары, словно стая потревоженных воронов: парадные костюмы, унылые, скучающие глаза. Приглушенно переговаривались.

— Что такое? Суббота, день-то вроде нерабочий, — возмущался Чквадзе, мягко, повосточному, растягивая слова.

— Вот именно... — поддержал академик Семенов. — Подумаешь, Капитонов распорядился, можно было бы и до понедельника подождать.

Федор Константинов, философ, порицаясь отозвался :

— Не Капитонов, а Кириленко !

— Теперь уже все равно — день пропащий...

— Отчего, может и поспеем к обеду на дачу, — голос у Ойзермана тонкий и жалостный, как у больного. Известно было, что он человек осведомленный. Арбатов надвинулся на него, взял за плечи :

— Не томи, Теодор, кого ждем ? Почему спешка ?

Ойзерман огляделся и сказал доверительно :

— Шефу, — указал глазами на вице-президента Академии Наук СССР Миллионщикова, — ночью звонил Брежнев. Установочка есть — принять азербайджанского секретаря. Ахундова, кажется...

— Новый фаворит ?

— Говорят, будущий президент Азербайджанской Академии.

...Взволнован был и Миллионщиков. Только накануне Ахундов у него на даче жаловался :

— Понимаешь, дорогой, нет сил раздваиваться. Рано уходить с партийной работы. Дела в Азербайджане сложные, без меня совсем плохо будет. Но сердце зовет в науку, чувствую, там мое место...

Миллионщиков насторожился — Ахундова знал не первый год. Не случаен, стало быть, и подарок — поднос, инкрустированный драгоценными камнями.

— Для тебя лучшие азербайджанские мастера делали, — Ахундов поднял поднос к свету: рубины складывались в слова: «Академик Миллионщиков», и чуть пониже — «Герой Социалистического Труда»

Ахундов обнял Миллионщикова, рассмеялся, однако глаза с красными прожилками внимательно всматривались в академика. Под этим изучающим взглядом Миллионщиков засуетился, застеснялся. По-своему поняв смущение приятеля, Ахундов обиделся:

— Не думай, это золото. Настоящее! Полтора кило... По сегодняшним деньгам — 22 тысячи 783 рубля. 1)

Миллионщиков хорошо знал: Ахундов питал слабость к ученым... Многие почтенные академики проводили отпуск на правительственной даче в Баку, возвращались щедро одаренными: кто старинной чеканкой, кто картинами и гравюрами местных художников. Когда Ахундов в Москве, в Институте микробиологии, защитил докторскую диссертацию, экспертной комиссии ВАКа было неудобно отсылать ее на отзыв оппонентам — утвердили вопреки инструкциям, без рецензий, там же, на комиссии. Факт, конечно, экстраординарный, но и соискатель необычный: член ЦК КПСС.

Миллионщиков уже и не мог бы сказать, сколько ответственных работников Азербай-

1) Из сообщения председателя КГБ Азербайджана на пленуме ЦК КП Азербайджана 20 марта 1970 года. Доклад рассылался по райкомам партии.

джана, пользуясь расположением Ахундова и его протекцией, получили научную степень — 70,80 ?

Поначалу были люди известные : Председатель Президиума Верховного Совета республики М. Искендеров, Председатель Совета Министров Э. Алиханов, потом шел поток секретарей ЦК и горкомов, министров, которых Миллионщиков сейчас и не припомнит. Они приезжали к нему с письмами от Ахундова, он их устраивал соискателями в академические институты и центры, обеспечивал отзывами, оппонентами, звонил в ВАК.

Соответственно рос и поток ученых — отпускников в Азербайджан : академиков, профессоров, докторов наук... Они уже не помещались на государственных дачах — построили правительственный комплекс-санаторий на берегу Каспийского моря, в Бильгях. Для любителей острых ощущений на юге Азербайджана, в Ленкорани, поставили дубовый сруб с псарней и егерями — круглый год шла охота с вертолетов на медведей, горных коз, выдру.

Время от времени сюда наезжали члены Политбюро — Шелест, Воронов, Кириленко, Рашидов. С ними — беспокойная кавалькада артистов. Становилось шумно и неудобно, и академики перебирались в комфортабельные виллы на высокогорное озеро Гёй-Гель, летом катались на канатной дороге, ловили форель, зимой ходили на лыжах.

Миллионщикову рассказывали, что в Азер-

байджане не осталось ни одного министра и секретаря райкома не «остепененного». Слухи, видимо, преувеличены: по официальным отчетам АН СССР, лишь 67 процентов руководящих партийных работников и только 63 процента в номенклатуре Совета Министров Азербайджана имели ученые степени кандидата и доктора наук. Впрочем, последние сводки Миллионщиков просматривал в 66 году, а шел 69-й. Определенно процент должен был возрасти. Да и не только по Азербайджану: в 1969 году он составлял соответственно 62 и 59 процентов по Прибалтике, по Средней Азии — 58 и 56 процентов, а в Грузии и Армении поднимался до 71 и 73 процентов. 1)

Миллионщиков знал, что в каждый свой приезд в Москву: на сессии Верховного Совета, на пленум ЦК или просто на отдых — руководители Азербайджана приезжали не с пустыми руками. Помимо «дежурных» сувениров — ковров ручной работы, гравюр местных художников, искусно выполненных изделий народных умельцев, не говоря уже о так называемых «плодах солнечного Азербайджана» — марочных коньяках, икре и красной рыбе, которыми одаривались буквально все, кто так или иначе соприкасался с ними: административная челядь аппарата Совмина и инструкторы ЦК КПСС, — секретари и министры везли крупные суммы

1) Из сообщения первого заместителя председателя КГБ СССР на XXIV съезде ЦК КПСС.

денег, распределяемых продуманно, по четкой системе.

Каждый секретарь ЦК Азербайджана имел в Москве своего доброго покровителя, ранг которого находился в точном соответствии с достоинством секретаря: Ахундов — Кириленко, третий секретарь Джафаров — Трапезникова, четвертый секретарь Сеидов — Полянского, председатель Совета Министров Алиханов — Мазурова, второй секретарь ЦК КП Азербайджана Козлов — Капитонова, председатель Верховного Совета Искендеров — Органова. Республиканские министры также имели в Москве протекцию: в союзных министерствах или в ЦК. Секретарь же ЦК Азербайджана по промышленности Амиров имел не одного, а сразу несколько патронов: в Госплане — Байбакова, в Совете Министров Мазурова, в ЦК КПСС Павлова. Поэтому отношение к нему в Москве было особенно теплым, сердечным, внимательным. Захотелось Амирову стать профессором — утвердили без защиты докторской диссертации, повлекло к Ленинской премии — дали. Завистники утверждали: сила Амирова в бильярде. Играл он неумело, неизменно проигрывал. Ставки ставил щедро — по 2-3 тысячи: меньше как-то неудобно, постоянными партнерами были люди влиятельные — управляющий делами ЦК КПСС Георгий Сергеевич Павлов, зав. отделами ЦК КПСС Василий Семенович Фролов и Виктор Михайлович Бушуев и сам председатель Госплана СССР Байбаков.

На Байбакова в Азербайджане смотрели как на «своего человека» в Москве. Начиная свою карьеру в Азербайджане преподавателем индустриального института, выдвинули начальником АЗНЕФТИ. Как «местный кадр» был послан в Москву, в аппарат Совета Министров. Когда строптивый Байбаков не поладил с Хрущевым и был сослан в провинцию, бакинцы его не забыли — представили к Ленинской премии.

Технология получения Ленинских премий отлажена четко, действует безотказно. Разработала группа ученых оригинальный проект или проведено интересное исследование — эксплуатация нефтяных скважин, к примеру, в открытом море — прежде чем выдвинуть авторов на соискание премии, изыскивались «толкачи» — почтенные ученые в Москве. Подбирались надежные покровители в союзных главках и управлениях и... вводились в авторский коллектив. Тот, кто устоял перед соблазном «азербайджанского сувенира», искушался на честолюбии.

Те, кто стоял у истоков изобретения, теснились, сжимались, иные вообще оказывались вне списка. От них откупались посулами на повышение, обещаниями дать квартиру в хорошем районе, помогали купить внеочереди машину. Зато оставшимся Ленинская премия была обеспечена. Правда, сама премия — 10 тысяч рублей — крошилась между десятками совершенно непричастных к изобретению людей, но ведь важны не деньги, а звание лауреата, оно,

как и ученая степень, предопределяло престиж и статус на многие годы. В одном из таких списков был и Байбаков. Таким же образом получил Ленинскую премию зам. Председателя Совета Министров Азербайджана (затем он станет министром СССР) Оруджев.

Сентиментальный Байбаков не забывал Азербайджан — внеплановые фонды и дефицитное оборудование широким потоком шли в республику, а его душа и дом постоянно были открыты для «милых» бакинцев. Сменялись в Азербайджане министры, приходили и уходили партийные секретари, но каждый из них считал необходимым представиться Байбакову, пополнить его коллекцию антиквариата каким-либо новым экспонатом, и обязательно самым дорогим: каждый гость был честолюбив.

Предвижу вопрос: зачем такие барские подношения, откуда брались средства?

Эта проблема выходит за рамки отношений между отдельными людьми, за пределы одной республики, ее объем — весь Советский Союз.

Чтобы подняться до номенклатуры ЦК или Совмина, необходима пробивная напористость, изворотливость. Чтоб удержаться у власти — беспринципность, холуйство.

Любое обобщение, конечно, условно. Память вырисовывает и людей честных. Один из них — немногих — Курбан Алиев, министр высшего и среднего специального образования Азербайджана. Долгие годы

присматривался к нему — не мог понять, как этот профессиональный партработник мог оставаться непричастным к коррупции и казнокрадству, захлестнувшем район 26 Бакинских комиссаров, где он был первым секретарем, и систему высшей школы, которую он возглавлял позднее. Попытка убедить себя — хитрит, принципиальность лишь оболочка, за которой скрывается умный хищник, ждущий своего часа. Но жизнь опрокидывала мои подозрения — он так и остался в моем сознании рыцарем малых добрых дел... Но о массе партийных и советских работников следует сказать: они идентифицируют в себе больше испорченных душ, чем праведных, ибо особенность советской социально-хозяйственной структуры такова, что ни одно преступление не совершается в одиночку. Иерархические связи захватывают в преступный круг тысячи людей — от кладовщика до министра, от бригадира до секретаря ЦК КПСС.

Советский мир перестал быть пластичным — застыл, окостенел. Из него уже стало невозможным, как это было когда-то, лепить нравственные формы. И люди, не чувствуя себя участниками общего дела, но лишь отчужденным его результатом, стали отталкиваться от него. Ничто не удержит отныне человека от сделки с совестью: идеалы осмеяны, слова, оторванные от понятий, лишены содержания. Единственная реальная ценность — деньги, в них сублимирована насильственно отъятая от человека

возможность — достоинство, стабильность. И советское общество, разорванное на 250 миллионов одиночек, потенциально готово преодолеть барьер, отделяющий закон от беззакония. Реально встает дилемма: нищета (на зарплату просуществовать невозможно. По очень осторожным подсчетам советских экономистов, фактический прожиточный минимум 92 рубля 50 копеек, средний доход по Союзу на человека — 53 рубля) или же сытая жизнь в достатке, но через правонарушение. И многие, смотря на окружающих, вставших на путь преступления, склоняются к последнему.

* * *

Ученый произвел несложный эксперимент. Его мог бы повторить каждый живущий в СССР: изучена деятельность обычного советского предприятия — цеха, рядовой клетки в советском экономическом организме, исследованы движение товара, поведение людей, участвующих в производственном процессе, и объективно складывающиеся производственные отношения. Время действия — 1970 год. Место — город Баку. Начальник цеха — Даждамиров, производство — изготовление красок...

Схема преступления оказалась банальной: компоненты изготавливаемой краски — белила и растительное масло — заменялись некачественными суррогатами — мелом и асидо-

лом, стоимость которых, кажется, в 30 раз меньше. Так была найдена предпосылка преступления. Другое условие — люди, готовые и способные преступить закон. В нашем примере действуют начальник цеха Даждамиров и зав. складом Осипов.

Один из них периодически выезжал на предприятия, вырабатывающие полуфабрикаты, в частности, на Ярославский химический комбинат. Небольшая взятка в 2-3 тысячи рублей — и вместо положенных по фонду 200 тонн ассидола и белил отгружалось и доставлялось в Баку 500 тонн.

Дальше — проще: вместо необходимых по плану 300 тонн краски цех изготовлял 600 тонн (учтите при этом, что себестоимость краски была значительно ниже, ибо подавались некачественные, но очень дешевые заменители). Учетчик и лаборатория втянуты в преступление: зарегистрировали изготовление лишь официально запланированной краски — 300 тонн, и, как правило, еще 20-30 тонн как перевыполнение, достигнутое якобы ценой рачительного руководства и бережливой расфасовки. Для чего? Начальник цеха — член райкома партии, а кладовщик не первый год был депутатом местного совета. Изготовленные вне плана 300 тонн краски распродавались через разветвленную систему торговой кооперации. Часть выручки оседала у директора магазина, кое-что перепало продавцам, другая, большая, до 70 процентов, — возвращалась в цех-изготовитель.

Сколько это составляло краско-рублей? Подсчитаем. Один килограмм краски продавался за 2 рубля, перемножьте на 300 тонн и вы получите 600 тысяч рублей.

Движение краски из цеха в магазин делало невозможным раскрытие преступления. Количество (в килограммах или тоннах) отгружаемой в магазины краски четко соответствовало цифрам в сопроводительных бумагах — накладных ведомостях, в них проставлялся номер и число — в полнейшем соответствии с инструкцией. Так что ни одна даже самая взыскательная проверка не выявляла нарушений. Однако уже после того, как очередная партия краски продавалась, накладные возвращались в цех, уничтожались, выписывались новые и за тем же номером, но уже под другим числом, сопровождали в магазин очередную партию товара. По тому же принципу реализовывалось масло. Продажа была магазинам выгодна: каждая тонна (не все масло, но лишь небольшая часть его) преподносилась как сэкономленная продукция, так что с каждого килограмма выписывались премиальные, растекающиеся, как правило, среди рабочих: начальство не было мелочным.

Все, что я описал на модели одного цеха, переведите в масштаб страны — тысячи и тысячи цехов, фабрик, заводов — и вы получите близкую к действительности картину гигантского организованного подпольного бизнеса. Меняется номенклатура товаров, география, технология производства, но

структура преступления неизменна — подмена дорогих компонентов дешевыми или тайная скупка внефондового сырья, или то и другое одновременно. Та же в общих чертах и схема реализации.

Впрочем, есть еще и неучтенные возможности: на Ивановском текстильном комбинате ткнут женские платки и шапки, пользующиеся добрым спросом в мире. В 1971 году выявлено: платки не соответствуют стандарту — на 18 квадратных сантиметров меньше, на 31 грамм легче (годовая продукция комбината — 800 тысяч штук.)

В Риге крупнейший в СССР радиозавод имени Попова. Обнаружено в 1970 году, что в транзисторах ВЭФ схема не соответствовала реальному количеству диодов — их было на один меньше. Мелочь? Стоимость одного диода 82 копейки. В год завод изготовлял 182 тысячи радиоприемников.

Всего одного камня не добавляли в женские часики «Чайка» и в мужские часы «Полет» мастера московского Первого часового завода. Камушек стоит 42 копейки, в год изготовлялось 750 тысяч пар часов. Преступление вскрыли в 1970 году и замяли: советские часы — лучшие в мире. Товарищ Брежнев сказал: «Недалек тот час, когда мир будет сверять время по нашему, советскому времени».

Итак, сотни миллионов рублей сосредотачиваются в руках предприимчивых, ловких, умелых, находчивых коммерсантов. Кто они? Советские миллионеры? Миллионеры,

конечно, есть, но не они. Грандиозные суммы денег в этих руках не остаются.

Доставка в магазины и реализация «левой» продукции — надежна. Значительно сложнее и опаснее хранение на складах нигде не зарегистрированного сырья — сотен и тысяч тонн. И еще — надо не привлечь внимания к сложному дефицитному оборудованию, приобретенному вне фондов, без лимитов. И, наконец, что делать, если рабочий прозреет и поймет, что он и его товарищи фактически производят в два, а нередко в три раза больше, чем фиксируется учетом? Можно, конечно, попытаться задобрить рабочих премиальными, дать лишнюю десятку, но опасно — протрезвеет, разболтает или, что еще хуже, начнет шантажировать. Проблема в том, как сделать разоблачение невозможным или, по крайней мере, маловероятным.

И вот здесь угол преступления начинает меняться — он отклоняется от горизонтального направления: цех-склад-магазин — и начинает круто подниматься вверх по вертикали.

Составляется несложная логическая фигура (доступная самому непросвещенному уму — начальники цехов, завмаги, мастера, кладовщики большей частью люди простые, необразованные) :

1. В России хорошо жить на зарплату невозможно.

2. *Начальство живет хорошо...*

3. Следовательно, существует не на зарплату.

* * *

Теперь суть вопроса — КАК дать, КОМУ дать и СКОЛЬКО дать?

Итак, остановка первая: милиция-прокуратура. Зарплата начальника районного отдела милиции 200-250 рублей, прокурора меньше — 150-180 рублей. Стало быть, надо положить и тому и другому столько, чтобы не хотели отказаться: первому — 2 тысячи, второму хватит и половины. Жизнь трудна и на зарплату не сведешь концы с концами. И милиционер, и прокурор — люди служивые, зависимые, ходят под начальством — городским, республиканским, — которое тоже ублажить требуется. Каждая должность в Азербайджане имеет продажную стоимость. В 1969 году начальник милиции котировался в 50 тысяч, районный прокурор — в 30 тысяч.

Деньги отданы и взяты, и будут теперь выплачиваться ежемесячно, и не беспокойтесь — блюстители закона не подведут: ловко ликвидируют анонимный донос, посланный злопыхателем, предупредят заблаговременно о грозной ревизии. 1)

1) Не полагайте, однако, что милиция или прокуратура у вас всецело в руках: у нее ведь тоже есть план раскрываемости преступлений. И если там придут к мнению, что на вашем месте

Остановка вторая — районный комитет партии. Здесь замыкаются сигналы «сверху» и заземляются жалобы «снизу».

КОМУ дать — ясно: первому секретарю — абсолютному хозяину района — и секретарю по промышленности.

СКОЛЬКО — и здесь более или менее известно: в зависимости от их зарплаты. Помножьте ее на уже названный коэффициент — 10. То есть первому секретарю 30 тысяч, второму — 20 тысяч.

Разумеется, этот коэффициент (1 к 10) не остается всегда неизменным. Он меняется в зависимости от важности и влияния лица, колеблется между тремя-четырьмя — судье, двумя-тремя — народному контролеру.

На следующих остановках, более высоких, — городских, областных, республиканских — ставки вновь поднимаются, растут. Круг расширяется. Начальник управления милиции, начальник ОБХСС, городской прокурор, республиканский и т. д.

Надо дать и в горком партии — заведующему отделом промышленности, — и в соответствующий главк, и в министерство, но здесь счет особый и нормативов нет.

Так или иначе в «дело» втягивается 30-50 человек, и у «трудящегося» зав. цеха от

другой будет платить больше, — вас снимут. Кроме того, вас никогда не минует внезапная проверка, и если у вас не все «в ажуре», придется платить разово — в зависимости от недостачи.

некогда огромной суммы остается едва ли 15-20 процентов, да и те, к несчастью, приходится делить между компаньонами.

Только не вздумайте морочить голову ссылками на плохое воспитание, дурную наследственность и упавшую нравственность — так у нас ничего не выйдет: коррупцию объяснять моралью, мораль — коррупцией. Замкнутый круг. Математики утверждают: для того, чтобы найти решение в формальной системе, необходим выход из нее. Тем более это необходимо в системе общества. Где это у нас — выход? Помните, что материализм исходит из первичности явлений — где она?

Есть. Встречал я и такие предприятия, где подбирались честные руководители, сознательные рабочие, самозабвенные, целеустремленные. Короче, такие, каких в СССР, казалось, и не бывает. Что из этого получалось? Вызывали директора (главного инженера, начальника цеха) в главк, в Москву, (а если действие происходило в Москве — в министерство) и говорили:

— Что это, Николай Сергеевич, (Ашот Петросович, Ибрагим Мамед-Оглы) план не выполняете?

Николай Сергеевич брал карандаш и начерчивал цифры, объясняя: если трудиться в году не 12, а 14 месяцев, заменить ржавые станки, модифицировать технологию, наладить нормальное снабжение — голубая мечта каждого хозяйственника в СССР — увеличить в два раза количество рабочих —

и тогда плана не будет : завышен, нереален.

— Так-так, Николай Сергеевич, значит вы партии не доверяете, она для вас не авторитет. Партия, по-вашему, прожектерством занимается. А международное положение, а неурожай в Индии... Да вы, может, и в коммунизме усомнились? Так вот : или план — или партбилет. О решении доложить. Можете идти.

Несчастный Николай Сергеевич в расстроенных чувствах шел к друзьям. Его выслушивали, утешали и учили : хочешь жить — изворачивайся, лбом стенку не прошибешь. Или : живи сам и дай жить другим.

Проводил Николай Сергеевич бессонную ночь (ночи). Но жить надо, и шел Николай Сергеевич в магазины, а если городок маленький — на колхозный рынок, — завязывать нужные знакомства. Дальше — по уже знакомой схеме. Часть изготавливаемой заводом продукции оказывалась на « черном » рынке, часть выдавалась « на гора » в счет плана.

И если уж очень-очень порядочным человеком был Николай Сергеевич, поначалу не прилипали деньги к его рукам : совестно было. А рубли-тысячи шли, и чем это он хуже других? И не дурак же — свое, положенное снимал : плата за страх.

Приходила зрелость к Николаю Сергеевичу, с нею — награды, звания.

Обыкновенная история. Замечал : в словах человеческих живет стыдливая тоска по былому, утраченному. Ворует человек —

говорят: жить умеет, изворачивается, плу-
тует — деловой человек. Так говорили при
царе, так любят сегодня говорить на Руси.

Но вернемся к нашей второй остановке —
к райкому. А кому на Руси хорошо живет-
ся? Секретарям райкомов. Они и есть мил-
лионеры.

Так, но не совсем так: деньги, и немалые,
оседают в их карманах, им отнюдь не худо
на этом советском свете. Они депутаты Вер-
ховных Советов и члены ЦК, им почести и
звания. Но что касается покоя в жизни —
его нет: дни их в заботах, планы производ-
ственные не выполняются, приходится при-
бегать к очковтирательству, припискам, вре-
мя от времени случаются комиссии, проверки,
много забот доставляет реформа управления
или очередная кампания — политическая и
даже совсем безобидная — предвыборная.

Обиднее всего, что хотя кругом все свои —
одни тебе платят, другим платишь ты, —
имеется обыкновение время от времени сни-
мать и секретарей райкомов, если их дела
получают скандальную огласку. Вернее —
их перемещают: из номенклатуры ЦК они,
как правило, не выпадают.

Первый секретарь Наримановского рай-
кома города Баку Мурадалиев, «сгорев на
приписках», был переведен в министры
бытового обслуживания. Первый секретарь
Октябрьского райкома города Баку Мамедов
«споткнулся» на миллионах — в Москве в
сберегательную кассу неосмотрительно по-
ложил на имя жены 195 тысяч рублей...

Переведен в Министерство внутренних дел начальником городской военизированной охраны. Такая немилость вызвана не завистью к его миллионам — те, кто снимал Мамедова, слава богу, были не беднее. Ахундов не мог ему простить дерзость: это Мамедов убедил членов пленума райкома в 1965 году забаллотировать рекомендованного ЦК вместо него некоего Рзаева. Еще год оставался Мамедов в секретарях, но затем падение его было роковым и стремительным: лишен депутатства, выведен из ЦК, и во всем виновата гордость: смирись Мамедов с волей ЦК, быть ему заместителем министра соцобеспечения, как и предполагалось.

Уж в такой неблагоприятной истории оказался замешан первый секретарь Бакинского городского комитета партии Аллахвердиев — скупал золото у расстрелянного позже валютчика Рокотова — и то пронесло. Вынырнул начальником Госкомитета по профессионально-техническому обучению при Совете Министров Азербайджана. Сменивший его на должности первого секретаря Насруллаев поскользнулся совсем глупо: в Баку была изнасилована дочь известного ученого, следствие вышло на след подпольного дома терпимости, в числе постоянных клиентов которого оказался и Насруллаев. Однако не он один — еще 7 членов ЦК и три министра. Через пару лет Насруллаева назначили министром связи республики.

Существует жесткое правило: критикуют секретаря райкома — он не оправдывается:

кто не виноват? Секретарь Сабирабадского райкома партии Булаев узнал, что его место продали. Между партийными работниками существует «джентельменский» закон — не перекупать «живые» должности. Иное дело, если секретарь «падет», окажется в немилости, тогда свободная купля-продажа, игра цен: от ста и до двухсот тысяч — кто больше? Но Булаев-то работал исправно, вовремя платил в ЦК, был на хорошем счету, и его же приятель, сосед-секретарь, польстился на богатый район. Говорят, дал 300 тысяч заведующему оргпартийным отделом Багирову, и вот ему, Булаеву, предложили уйти. Несправедливость очевидная. Но Булаев не подался с жалобой: понимал, что эта печальная история невозможна без ведома первого секретаря Ахундова. Или, может быть, другое: многолетний опыт партийной работы подсказывал — не лезть на рожон. Тактичность Булаева в ЦК оценили. Не прошло и года, как его рекомендовали в Куткашенский район, но уже первым секретарем райкома. И что тут самое удивительное и совершенно невозможное для Азербайджана — безвозмездно. Что и говорить — первый секретарь ЦК Азербайджана слыл человеком широким и ценил скромность.

* * *

Необъятен круг обязанностей секретаря райкома, и везде находятся недовольные,

брюзжащие. Какая уж тут сладкая жизнь : образования и квалификации, полученных в партийной школе, явно нехватает. Принимая решение, приходится полагаться на интуицию — « классовое чутье ». В СССР существует почти правило : жалобы неизменно попадают к тому, против кого направлены, — таков принцип демократического централизма.

Но принцип принципом, а люди людьми : в ЦК немало завидующих с жадными глазами — рады чужому несчастью, так что без надежных и верных людей не обойтись и секретарю райкома. И немалая часть денег, в труде и риске сделанных в самом низу — в цеху и в магазине, — расплывается вширь, захватывая глубокие пласты чиновников центрального партийно-советского аппарата. В ЦК КП Азербайджана, в Верховном Совете и Совете Министров республики практически каждый сотрудник получает проценты на вложенный в обращение капитал — занимаемую им должность.

К 1969 году Азербайджан был полностью распределен. В руках зав. орготделом ЦК КП Азербайджана партийные кадры : ни одно назначение в партии немислимо без ведома и согласия Багирова. Им же разработаны тарифы : первый секретарь райкома « стоит » 200 тысяч рублей, второй — 100 тысяч.

Село (совхозы, колхозы) — абсолютная вотчина секретаря ЦК Сеидова. И здесь

четкие ставки : пред. колхоза — 50 тысяч, директор совхоза — 80 тысяч.

Промышленность — хозяйство Амирова : должности директоров заводов и фабрик — от 10 до 100 тысяч рублей.

Культура, искусство, наука в руках секретаря ЦК Джафарова. Покупались и продавались : звание академика — 50 тысяч, директор института — 40 тысяч, ректор вуза — до 200 тысяч. Директор театра — оперного, драматического, юного зрителя — 10-30 тысяч рублей.

Административные органы формально — прерогатива второго секретаря 1) ЦК КП Азербайджана Елистратова, потом — Козлова, фактически — Ахундова.

Стоимость должности определялась спросом, спрос — возможностями должности. Исходя из этого можно почти безошибочно

1) Положение второго секретаря ЦК партии в союзных республиках неустойчиво и противоречно. Номинально он представляет в республике Москву — центральную власть, наделен чрезвычайными правами. Ему подчинена госбезопасность, он представляет столице аттестацию на первого секретаря. Но в полномочиях второго секретаря — парадокс его статуса. Стать первым он не может — первые рекрутируются из коренного населения. Он намертво поэтому привязан к своему подопечному и всецело подчинен ему — падение первого секретаря почти автоматически ведет к смене второго, или в лучшем случае — к его отзыву из республики. Так что призванный в республику для ревизии, он фактически служит прикрытием беззакония.

вывести, что министр торговли « стоит » в 2-3 раза больше, чем министр соцобеспечения, министр мелеорации — в 3-4 раза меньше министра сельского хозяйства, министр внутренних дел равен министру легкой промышленности (в этом министерстве сосредоточено большинство платежеспособных цехов).

И верно, министру торговли Азербайджана Кафарову, а затем сменившему его Баширзаде министерское место « стоило » 250 тысяч рублей. Министру коммунального хозяйства Топчиеву меньше — 150 тысяч. Министру соцобеспечения Сеидмамедовой — 120 тысяч. 1) (Цифры приведены в закрытом докладе первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Алиева на пленуме ЦК КП Азербайджана 20 марта 1970 года).

Партийные инструкции и директивы всегда лаконичны: объяснить колхознику — чем богаче будет колхоз, тем лучше будет житься колхознику. А как убедить, если поле государственное, трактор тоже. И чужое не дорого, его не жаль. И задания астрономические: от зари до ночи работай — не

1) В системе «непроизводящих» министерств на предмет самоокупаемости должностей в Азербайджане создавались производственные объединения легкой промышленности: в Министерстве соцобеспечения — при обществах слепых и глухонемых — действовало 92 цеха, в Министерстве культуры — под прикрытием Театрального общества — 32 цеха, в Министерстве коммунального хозяйства 21 цех.

выполнишь. А город ждет, требует, грозит. Как тут обойдешься без приписок и очковтирательства? А чтобы не заметили, не схватили за руку — надо «смазать». И себе про черный день нужно оставить...

Откуда взять? Источник один: мужик, вернее, баба — мужчины, здоровые и молодые, в городе. Вот и приходится председателю урезать из трудодня колхозника «процентик» для секретаря райкома, для председателя сельсовета, для ревизора.

Как тут не позавидуешь городской сытой жизни, скажем, милицейского работника? Впрочем, и он подначальный, не знает покоя. Балансирование в пространстве, где нет законов, — обременительно и опасно. Десять лет начальник Октябрьского райотдела милиции города Баку Гусейнов «подкармливал» зам. министра МВД Рзаева. И что же? Рзаева перевели в Академию Наук (поясняем: Академия — это место, куда переводятся опальные партийные работники, попавшие в немилость хозяйственники и проворовавшиеся милиционеры), а Гусейнову предложили уйти на пенсию. Но из номенклатуры выскочить непросто: связи, средства, опыт и, конечно, приобретенная специальность — все это укрепляет положение на долгие годы. А партийная работа не знает специализации — она «обменивается» на все 283 специальности, имеющие хождение в СССР (смотри перечень в инструкции ВАКа). В партрботе особые закономерности: где бы ни работал человек, он неиз-

менно должен оставаться активным — организовывать кампании, выступать на собраниях, критиковать и каяться в ошибках. И чем больше он девальвируется как специалист, тем сильнее и упорнее держится за партийную работу, тем быстрее и успешнее он продвигается. На определенном этапе ему предлагают поступить в Партийную школу при ЦК КПСС, и тогда его будущее просматривается четко, оно гарантировано.

Чтобы не сорваться, чтобы преуспеть, партийный работник должен придерживаться жесткого регламента поведения: ничему не удивляться, быть всегда готовым исполнить беспрекословно указание руководства. Ценится ханжество, искусное лицемерие, беспринципность и показная скромность. Важно, чтобы любовные связи (партия высоко блюдет нравственность), жульнические махинации не вылезали наружу, не стали достоянием престопадаря. Дом, построенный на взятку, лучше оформить на родственника, бедного, но незапятнанного, машину — на брата-профессора, если таковой имеется, деньги положить в сберкассе, но не на собственное имя, конечно, на «предъявителя», или еще лучше обратить в золото и ценности и укромно зарыть в саду собственной дачи. Главное — не бравировать богатством, не вызывать зависть.

Особо строги нормативы к тем, кому по статусу положено в Москве останавливаться в гостинице ЦК КПСС «Октябрьская». Эта гостиница — своеобразный нравственный

профилакторий. Каждый шаг здесь фиксируется: что надел, сколько стоил обед, кто навестил, когда возвратился...

Впрочем, «страхи» действительны лишь до определенного уровня — до областного секретаря. Все, что выше, — бесконтрольно. Напротив, тайные сотрудники ГБ выведут на воздух, если кому плохо с перепоею, вовремя разбудят и отправят на спецмашине домой заспавшуюся красавицу...

Наиболее проницательные, однако, предпочитают не полагаться на лояльность ГБ и не искушать судьбу. Вернее довериться «другу». У каждого уважающего себя секретаря ЦК есть такой, скромный, застенчивый: у Демичева — Фролов (когда он был благодарным шефом назначен главным редактором журнала «Вопросы философии», ему подыскали замену — застенчивого аспиранта Скворцова, сейчас он подвизается в качестве помощника секретаря ЦК КПСС), у Кириленко — Арбатов, солидный, степенный академик. У престарелого Суслова — но еще весьма любвеобильного — профессор Красин, большой специалист по Ленину, у некогда всемогущего Шелепина — Земляникова, ведающая в Совпрофсоюзе вопросами идеологии и воспитания.

В соответствии с занимаемой должностью распределяются блага: закрытые больницы, санатории, кремлевские пайки, членство в ЦК и депутатство. Выборность при этом — не более чем декорум, создающий видимость фасада.

Но перераспределение не завершено, сотни миллионов рублей, крошась и распыляясь, обращаются в обществе, развращая его психологию, разрушая его нравы.

Факты — от сенсационных до обыденных... Бакинский электромеханический завод, один из крупнейших в Закавказье, — 14 тысяч рабочих. 29 декабря 1970 года. Утро. До конца года и пятилетки 56 часов. На заводе аврал, присутствуют секретарь райкома, представители ЦК, уполномоченные министерства — необходимо перевыполнение плана на один процент. В этой единице огромный смысл. В редакции республиканских газет уже отосланы торжественные рапорты дирекции и парткома о перевыполнении плана — впервые за много лет. Написаны поздравительные телеграммы ЦК и Совета Министров Азербайджана, распределены премии министерства: от управляющего до помощника бригадира.

Как выполнить план? В оставшиеся часы необходимо добрать 14,8 процента. Работая круглосуточно, — профсоюз, как всегда, не возражает — завод может максимум дать 2-3 процента. Фонд зарплаты на текущий год уже перерасходован, но можно, и не впервой, перетянуть из следующего, а там урезать у тех же самых рабочих, которые сегодня и завтра ночью получают десятку за внеурочную работу, ту самую десятку, которую им недодадут в новом месяце.

И выход найден: срочно собираются холо-

дильники без моторов — одна обшивка. На заводском дворе — сотни забракованных агрегатов, они спешно подаются на конвейер и монтируются. Директор дает указание привезти из домов все имеющиеся в личном употреблении у сотрудников электроприборы. Всю ночь 29 декабря, а затем 30-го машины объезжали квартиры инженеров, конструкторов, начальников цехов, бригадиров, собирая холодильники, радиаторы, утюги, их наспех чистили и красили и регистрировали на складе как... продукцию завода! Пролежат там несколько дней и вернутся к владельцам — может быть, до следующего «штурма».

В сводках по республике отметят увеличение выпуска товаров народного потребления, покупатели же подождут неделю-другую, пока вставят в их новые холодильники моторы.

И план есть — 101,2 процента. Директору — орден Красного Знамени и должность в министерстве, главный инженер станет директором, 723 инженерно-техническим работникам завода выпишут «прогрессивки» — 100 процентов дополнительных начислений к зарплате. Рабочих, скромных социалистических тружеников, пригласят спустя месяц в оперный театр — коллективу завода зам. Председателя Совета Министров Азербайджана за высокие достижения в социалистическом соревновании вручит переходящее Красное Знамя, затем состоится торжественный концерт художественной само-

деятельности и... легкий ужин. Рабочие на-
пьются и погуляют.

* * *

...В каждом азербайджанском вузе ежегодно изымалось из конкурса и поступало на продажу определенное количество мест. В 1968 году в Баку произошло событие, высветившее коррупцию в высшей школе. В мединституте студентом был убит проректор института Ализаде — в прошлом первый секретарь ЦК комсомола республики. Началось дознание и оказалось: студенты института за каждый экзамен должны были платить преподавателям от 50 до 100 рублей, и вот, когда у одного студента не оказалось денег, он убил профессора.

Ректор Азербайджанского пединститута имени Ленина профессор Агаев брал натурой: ему на дачу свозили баранов, бочки с коньяком, мед, фрукты.

В селах Азербайджана давний обычай: родился ребенок — ставят кубышку и складывают в нее деньги — подрастет, поступит в институт, ученым будет...

Цены взяток за поступление в институт из года в год поднимаются, в 1972 году они по Азербайджану были: в медицинском институте 30 тысяч, университете — 20-25 тысяч, институте иностранных языков — 10, в институте народного хозяйства — до 35 тысяч. Контингент: дети начальников цехов

и завмагов, будущие начальники цехов и завмаги.

Когда эти сведения в августе 72 года легли на стол зав. отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС тов. Трапезникова, он рассудил мудро: студентов, поступивших в обход законов, не исключать (их было 29 процентов), ректоров — освободить. В результате — брать стали больше: больше риска, выше ставки.

...Немногим более десяти месяцев действовала в Баку новая гостиница «Интурист». И вот уже в ноябре 1972 года директор гостиницы Рустамов, полковник КГБ, привыкший к порядку и дисциплине, в недоумении жалуется секретарю ЦК Азербайджана Козлову: похищено 10 тысяч ложек и ножей, 7 тысяч полотенец, 848 чайников, 217 ваз, 32 картины...

Понятия долга, чести, совести, с помощью которых в прошлом оценивалось поведение людей, в современном советском обществе перестали быть необходимыми. Статистика, но не та, что кичливо вещает со страниц газет, а другая — совершенно закрытая, поступавшая ежедневно в утренних сводках секретарю ЦК КП Азербайджана, — отмечает: два миллиона (население республики 5 миллионов) злоупотребляет алкоголем. 1) Количество наркоманов в республике растет: их

1) На основе данных Сектора информации ЦК КП Азербайджана.

было 4 тысячи в 1950 году, в 61 — 12 тысяч и 22 тысячи в 70-м. 1) Больше, чем в Англии.

Фактически их еще больше, но наркоманы не хотят регистрироваться. Наркотики — бизнес, и как таковой он легко приспособляется к конъюнктуре. В Азербайджане не следует искать курилен опиума, достаточно подняться в нагорный парк имени Кирова в Баку или затеряться между грязными сооружениями морского порта, и там, вдали от лицемерного ока закона, вам предложат укол морфия или сигарету с анашой. Недорого — всего один рубль. Покупают.

Число уголовных преступлений в Азербайджане в 71 году перешагнуло 70 тысяч. Из каждых ста тысяч жителей в 1971 году 12 убито, 84 ограблено, 98 оскорблено.

Помните: коммунизм — молодость мира, и его возводить молодым! И в мире преступлений молодежь, как ей положено в Советском Союзе, впереди. По данным Министерства внутренних дел за 1970 год (отчетная сводка, представленная в ЦК КП Азербайджана), в Азербайджане одна третья всех убийств, одна вторая изнасилований, три пятых грабежей совершено людьми моложе 22 лет.

Трагична картина детской преступности. С 1953 по 1970 год преступность среди детей (от 10 до 17 лет) выросла в 2,7 раза, тогда

1) На основе данных Сектора информации ЦК КП Азербайджана.

как общее количество детей этого возраста увеличилось в Азербайджане лишь наполовину. Аресты детей до 18 лет в два раза превышают аресты взрослых. В 1970 году в Азербайджане было арестовано 43242 юношей и девушек моложе 18 лет — за кражи, насилия, убийства. 1)

Молодежь — самые обманутые люди в Советском Азербайджане. Как можно воспитывать чувство чести, если ему нет места в политике партии, в экономике, социальной жизни ?

Как можно в школе воспитывать скромность, когда жизнь ежечасно дает свидетельства триумфа бесстыдства ?

Можно ли порицать воровство, если известно, что те, кто обкрадывает общество больше всего, безнаказанно приобретают влияние и власть. Как свидетельствует зондаж, проведенный Сектором информации ЦК КП Азербайджана в 1971 году, в тяжелых условиях (понимай — бедность и лишения) жило 3,5 миллиона человек или 75 процентов общего населения республики. И только 7 процентов или 310 тысяч человек жили в достатке или изобилии.

Новейшая техника (там и тогда, когда она используется) не способствует подъему жизненного уровня — усиливается потогонная система эксплуатации: занижаются

1) Факты и цифры взяты из ежедневных сводок МВД Азербайджана, поступавших в ЦК КП Азербайджана, и обобщены.

расценки (в течение 1970 года расценки на предприятиях Азербайджана понизились в 3 раза, в 1971 году — в 4 раза), ухудшаются условия труда.

Первый секретарь Бакинского райкома партии на одном из бюро в 1969 году сказал: — Если бы мы были убеждены, что сумасшедшие могут хорошо работать, мы бы приветствовали психические заболевания.

В СССР любят вспоминать Ленина: «Теперь все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием». (Полное собрание сочинений, том 35, стр. 283). В действительности антигуманный социализм углубляет эгоистический характер отношений между людьми. В 1970 году в СССР весьма популярным был еврейский анекдот: в поезде едет человек, попутчик-сосед вздыхает и — умирает. Стали дознаваться, почему не вызвали врача? Человек объясняет: «Он говорил "Мне плохо". А кому хорошо?» Ирония? Гротеск? Вряд ли.

18 января 1970 года в Баку на проспекте Нариманова была задушена в час ночи молодая женщина. Преступление произошло на виду 80 добропорядочных граждан, и никто не вступил в противоборство с убийцей. Убийство происходило под их окнами, совершалось маньяком, накурившимся наркотиками. В защиту их хочется сказать: ими руководил не страх — благоразумие. Закон коварен: убийство убийцы квалифицируется советским уголовным кодексом как убийство. Зачем искушать судьбу? И старатель-

но не замечают граждане любое уличное происшествие, скандал или драку. А преступность торжествует, растет в Азербайджане в три раза быстрее, чем население. Каждые 55 минут происходит убийство, насилие. кража. 1)

Благоразумие безучастных людей размыло гражданские связи, рвет общечеловеческие нравственные нормы. И уже не уголовная статистика объясняет советскую жизнь, а наоборот: жизнь — преступление. А между тем подрастающий ребенок воспитывается и школой, и средой. Вернее, больше средой, чем школой. Путь, который он для себя избирает, — бунт против правил и норм, традиций социального регламента. Но чем больше человек удаляется от других, тем глубже трещина в нем самом.

Итак, в советском обществе вопрос о том, является ли человеческое поведение нравственным или безнравственным, теряет смысл, ибо сами по себе понятия добра и зла при советском социализме неприемлемы. Это признают и коммунистические лидеры. Секретарь ЦК КПСС Сулов, выступая на совещании заведующих кафедр общественных наук в декабре 1971 года, сказал: « Действительно только то, что партия считает разумным ».

1) Цифры на основе обобщения сводок Министерства внутренних дел Азербайджана за 1971 год.

А если так — нет надобности в общечеловеческой морали, ибо политика партии, как и всякая политика, релятивна. И человек приспособливается. Все, что требуется, — угодить партии, спрятаться за партией, обмануть партию. Можно подкупить партию. Разумеется, не все советское общество лишено совести и чести. В здоровой его части есть и солидарность, и взаимопомощь, обязательна порядочность, но только за рамками официальных отношений, вопреки идеологии.

Кем бы ни был человек — ученым или художником, рабочим или инженером, если его увольняют с работы за политическую неблагонадежность — он изгой. Никому не понадобятся ни его знания, ни навыки, ни его опыт. Отверженный, он нигде не найдет работодателя — все монополизировано в руках партии. И в человеке, как реакция на эту жизнь, постоянно живет страх. Он боится не угодить властям. Ощущает гнетущую зависимость от любого мелкого начальничка и... лжет — ищет законы, оправдывающие беззаконие, юродствует, приспособливается. Люди, многократно обманутые «любимой партией», запутавшись в хитросплетениях пропаганды, утомленные бесцельностью жизни, замыкаются в быте. Умело поставленный недостаток продовольствия оказывается эффективнее тюрем, психиатрических больниц. (Впрочем, психиатрических больниц хватает. В Азербайджане каждый двадцатый житель под наблюдением психиатриче-

ского диспансера. 1) Бессмысленная растрата сил в борьбе за материальные блага в мире, где всего нехватает, оставляет совсем немного энергии и времени для гражданственных порывов.

Испытывая неуверенность перед многочисленными организациями, которые на него давят, человек теряет перспективу. В советском обществе, где ценность личности отчуждена, необходимы внешние доказательства того, что человек существует. Ими опять являются деньги, все, что приносит материальное благополучие, в том числе проституция. В течение 1971 года в Азербайджане была привлечена к уголовной ответственности 1221 женщина, превратившая свою красоту в товар. И это в мусульманской республике, в которой традиции адата взыскательно требовательны к женской непорочности. В течение того же 71 года было обнаружено и разгромлено 7 притонов. 2)

Распространенный тип поведения — стремление раствориться в массе, нежелание выделиться, боязнь самостоятельного выбора. Человек старается приобщиться к авторитетной и влиятельной клике и, присоединившись, приобретает видимость безопасности.

1) По данным Министерства здравоохранения Азербайджана за 1971 год.

2) Материалы взяты из докладной записки министра внутренних дел Азербайджана Гейдарова первому секретарю ЦК от 19 июля 1972 года.

Людам внушается: быть добродетельным — значит быть, как все, отличаться от коллектива — порок.

В 1972 году в Ярославле исключили из партии ученого. Ему поставили в вину непохожесть. Секретарь обкома партии Морозов сказал: « Он не как мы, хочет быть оригинальным ».

Говорит министр: « За два года повысили квалификацию... 1000 преподавателей вузов ». (Алиев, газета « Бакинский рабочий », 11 июля 1974 года).

« Профессор Байрамов понуждает студентов к сожигательству, иначе не ставит зачет, лекции пропускает. Как быть мальчикам ? » (Из письма студентов Азербайджанского пединститута имени Ленина в отдел наук ЦК КП Азербайджана 12 июня 1972 года).

« В Баку не посещают школы 8780 детей школьного возраста. В Кировобаде — 3318, в Сумгаите — 2211, в Дашкесане — 1321... » (Из отчета министра просвещения на бюро ЦК Азербайджана 7 февраля 1972 г.)

« 5 месяцев из 9 мы не учимся. Нас заставляют работать в поле. Осенью убираем хлопок, весной — фрукты ». (Из письма в ЦК КП Азербайджана учеников школы № 2 города Кировобада).

« Я придерживаюсь единственного, что не эфемерно — денег ». (Из школьного сочинения ученика бакинской школы).

« Во-первых, люди любят себя, во-вторых,

себя, в-третьих, тоже себя». Коммунизм невозможен через эгоизм. Мы все эгоисты». (Из социологического обследования, проведенного Сектором информации ЦК КП Азербайджана, сентябрь-ноябрь 1970 г.).

Глава II

АХУНДОВ

...Ахундов отложил утреннюю сводку. Остался недоволен: план по сбору хлопка в этом году опять будет не выполнен. Пошли дожди, а собрали лишь 148 тысяч тонн. Если секретарь ЦК Узбекистана Рашидов не подведет, все еще может уладиться. Обменяют сто тысяч тонн доброго, шелковистого среднеазиатского хлопка на 45 миллионов рублей, привезут в Азербайджан, положат в закрома, и можно будет рапортовать Москве — есть 300 тысяч. Недостающие тонны спишут как забракованные — не первый год.

Сложнее с рекламациями. Со всего Союза возвращены забракованные станки «Азен-маша», холодильники БЭМЗА, нефтеперегонные установки КМЗ... Всего не упомнишь. Ахундов с ненавистью посмотрел на красную сафьяновую папку, в которой аккуратно сложены листы с цифрами, напечатанные специально для него на особой машинке с крупным шрифтом: в последние годы секретарь стал плохо видеть.

«Надо связаться с Байбаковым, пусть при-

думает», — подумал Ахундов. Позвонил. Бесшумно вошел референт и молчаливо застыл в дверях с записной книжкой.

— Чт... Велюсупович?

Ахундов не ответил. Его внимание привлекла новая колонка цифр. В течение ночи 18 убийств, 76 ограблений, 84 ножевых раны. 1) Тяжелая пятница! Вздохнул: Ализаде — бездельник. Не стоило делать его министром. МВД — не торговля, там нужно думать.

Ахундов поднял глаза на референта:

— Туран, в 12 разговор с Байбаковым... Иди.

Секретарю стало жаль себя: Гусман предупредил вчера — работать надо меньше, обострился диабет, появились боли в груди. Как бы не грудная жаба!

Встал, подошел к зеркалу — мешки под глазами, землистая кожа. «Неужели прав плутоватый еврей», — подумал Ахундов о Гусмане. Надо заканчивать секретарство. И это тогда, когда он наконец почувствовал себя столь уверенно, спокойно. А было нелегко поначалу.

Много здоровья попортил ему бывший секретарь ЦК Мустафаев. Но он оказался проворнее: Мустафаева сняли. Тогда Ахундова поддержал Аджубей. Нет, не напрасно Ахундов долгие годы обхаживал Раду — каждый четверг самолетом отправляли на

1) Каждое утро первый секретарь ЦК Азербайджана получает сводки МВД о происшествиях, имевших место в течение суток в республике.

дачу Хрущева розы и душистые апельсины. Розы покупали в соседнем Иране, а апельсины — из Марокко. Но неизменно клалась записка: «Глубокоуважаемой Раде Никитичне — дары солнечного Азербайджана». И все. Без подписи. Но ТАМ все понимали. И помнили.

Вот тебе и «доктор» — так его иронически называл Мустафаев, намекая на некомпетентность Ахундова. Что может понимать врач в политике? Врач?!

Когда арестовали Багирова — протеже Берии — Ахундову удалось достать и переслать Хрущеву документы медицинско-санитарного Управления МВД Азербайджана — истории болезней десятков тысяч умерших заключенных. Запечатанные тяжелыми сургучными печатями папки скрывали тайны жизни, вернее, историю и причины смерти людей. На коленкорových обложках стоял штамп: «Совершенно секретно. Подлежат вскрытию не раньше 1980 года». А он открыл, и папки оказались пустыми! Чистые листы пожелтевшей бумаги были представлены на багировском процессе, и... заврайздравотделом Ахундов стал министром здравоохранения.

Судьба была участлива к Ахундову — всю войну он отсидел в тылу. Когда скандальные подробности о квартирных спекуляциях бывшего председателя Совета Министров республики Рагимова просочились в газету «Правда», понадобилось срочно заменить председателя. Кем? Ни одна из

предлагаемых Азербайджаном кандидатур не удовлетворяла Москву. Решение пришло от Хрущева — неожиданное и безапелляционное: назначить Ахундова. Провинциальный лекарь с неполным высшим образованием стал Председателем Совета Министров. И тогда Ахундов развернулся: прежде всего обо всем, что происходило в республике, он любезно информировал Хрущева. До него, согласно регламенту, к праздникам — 1 Мая и годовщине Октябрьской революции — Председатель Совмина и первый секретарь ЦК Азербайджана слали Хрущеву поздравительные телеграммы, Ахундов же вылетал в Москву лично, и если его не принимали — по телефону свидетельствовал глубокое почтение премьеру. Было нелегко ночью, после утомительного торжественного заседания актива, лететь в столицу и возвращаться к утру, чтобы в 8 часов быть на республиканской правительственной трибуне. Хрущев журил Ахундова, но не оставался равнодушен к лести.

За непринужденной беседой узнавалось от Аджубея настроение тестя. В ЦК поражались удивительному политическому чутью Ахундова — но лишь он один знал, какого напряжения стоит быть всегда на подхвате, первым исполнить и доложить. Зато когда Ахундов решился сбросить соперника — Мустафаева, он действовал наверняка: поначалу в Москву пошел поток анонимных писем, заявлений, докладных от «простых советских людей» о национализме

первого секретаря. На пленуме ЦК Азербайджана, обычно податливом и послушном, — простая формальность в структуре парторкратического управления — неожиданно несколько секретарей райкомов обвинили Мустафаева в изоляционизме, в реставрации ислама. Мустафаев возмутился: слыханное ли дело — в демократию играть! Прикрикнул, пригрозил. Не помогло — за спиной «бунтовщиков» стоял Ахундов. Мустафаев обратился за помощью в Москву, убежденный, что столица, как это принято, поддержит престиж первого секретаря, и... просчитался, Ахундов стал хозяином Азербайджана.

Не торопясь, действуя то добрым словом, то хитростью, а где надо — силой, Ахундов начал серию преобразований по известной советской системе — от противного: Мустафаев «реформировал» сельское хозяйство, Ахундов начал поднимать промышленность. Мустафаев культивировал пшеницу, Ахундов задумал обеспечить Азербайджан хлопком. Мустафаев слыл поборником осторожного панисламизма, Ахундов пропагандировал сплошную русификацию. Это он придумал отменить преподавание национального языка, превратил русский язык в официальный в республике...

И вдруг разверзлась пропасть: Хрущева сняли. В мрачной депрессии Ахундов наблюдал, как закачались кресла подопечных Хрущева, и когда «пал» сосед — первый секретарь ЦК КП Армении, — Ахундов не

выдержал, написал Брежневу просьбу освободить его по состоянию здоровья.

О скорой отставке Ахундова поползли слухи. «Воронье всегда чувствует падал», — подумал Ахундов о своих заместителях: Искендеров вылетел в Москву прозондировать почву, Алиханов возомнил себя чуть ли не «заместо» Ахундова — ходил по отделам, вызывал на коллегию в Совет Министров секретарей ЦК, словно своих подчиненных.

«Сволочь, — Ахундов сжал кулаки. — Из грязи вытащил в люди. Инженеришка, сексот...»

В Москве, по-видимому, поняли, что без Ахундова не обойтись, вызвали и... наградили. Это был его первый орден Ленина. «Брежнев — не Хрущев, конечно. Масштаб не тот». Но оказалось — работать можно. Спасибо Цуканову — он уговорил Брежнева, возвращавшегося из Ореанды, заехать в Баку. В то лето 65 года в Набрани, а затем на Гёй-Гёле, Ахундов вновь обрел уверенность. Они с Брежневым были в горах, купались в Каспии... Брежнев был сердечен и откровенен: «Трагедия Хрущева — крайность: он балансировал на грани допустимого и тем создал в стране аварийную ситуацию... Наш подход: осмотрительность и надежность, никаких прожектов, меньше реформ. Только так мы сможем, дай бог лет через десять, не спеша, двинуться вперед. Но без скачек — ни догонять, ни перегонять никого не будем... Республикам — развязываем руки:

делайте, как понимаете, — на месте виднее. Важно не навешивать на Москву проблемы... Спокойно, Вели Юсупович, значит — хорошо... »

В Брежнев, как заметил Ахундов, уживались две крайности: грубость и крикливость с робостью, со склонностью к депрессии, ищущей выхода в запое... Прощаясь, он посоветовал Ахундову: «Тихо работайте с вашими коллегами — Искендеровым и Алихановым».

Но «тихой» работы не получилось: Ахундов догадывался — против него изнутри ведется подкоп. Цуканов несколько раз пересылал ему записки Алиханова и Искендерова к Брежневу. Формально в них были отчеты о засухе, о падеже скота, кое-что о возможном или вероятном выполнении плана. Писалось очень осторожно, но в каждой строке — намек на негибкость, неоперативность Ахундова, вернее, даже не его, а ЦК Азербайджана. Но кто же не понимал, что ЦК — это Ахундов?

Искендеров все чаще бывал у Подгорного на президентской даче, Алиханов был принят дома у Косыгина. Несложно догадаться, сколько им это стоит.

С каким наслаждением Ахундов поведал бы Брежневу о «милых» забавах Искендерова: ежегодно тот как председатель Президиума Верховного Совета Азербайджана своей властью миловал уголовных рецидивистов — кого по болезни, кого по старости, но всегда по четкому тарифу: 100 тысяч

за свободу. Алиханов умудрялся перепродавать места тем, кто их уже однажды купил. Мелко. Несolidно. Искендеров — гомосексуалист, подбирает себе в помощники молоденьких мальчиков. Алиханов питает страсть к проституткам. Кто же не увлекался? Но он выбирает самых грязных и старых. Второй гостевой дом ЦК КП Азербайджана постоянно ими забит: из Таллина, из Москвы, из Ленинграда, но больше почему-то из Одессы...

Ахундов, пожалуй, согласился бы отказаться от секретарства — лишь бы насладиться позором Алиханова и Искендерова. В воспаленном воображении он представлял, как Искендеров смещен, еще лучше — назначен председателем сельсовета в убогий Саатлинский район, где нет воды, электричества; а Алиханов лишен научных степеней за плагиат, исключен из партии, работает управдомом в Сумгаите... Почему в Сумгаите? Ахундов питал острую неприязнь к этому городу-спутнику Баку, грязному, состоящему из нескольких тысяч стандартных пятиэтажных бетонных коробок. Город всегда голодный — электрички, идущие в Баку, заполнены мешочниками: интеллигентного вида молодыми людьми, как правило, в очках, с огромными, (в обхват три метра) рюкзаками из простынь и тяжелыми чемоданами — таких Ахундов не видел с войны: деревянные, окованные железными обручами, изнутри оклеенные обоями.

Мертвый город — на заводах, фабриках,

в учреждениях, научно-исследовательских институтах, школах Сумгаита работали и учились 300 тысяч человек, а жили постоянно менее трети. Остальные после окончания рабочего дня устремлялись из города. 1) Возможное ли в СССР дело — пустовали квартиры! Неприветлив Сумгаит вечером: темень, плохо мощеные дороги, истощный пьяный мат из открытых окон. Преступность в Сумгаите была самой высокой в Советском Союзе. В три раза больше, чем в соседнем Баку.

Хулиганство. В течение 1968 года было зарегистрировано рекордное количество ложных вызовов пожарных команд: 210. В мае 69 года учащиеся во внеурочное время проникли в среднюю школу номер 4, разбили 18 различных музыкальных инструментов, разгромили кабинеты, сожгли учебные журналы и пособия. В течение одного только 69 года в Сумгаите было разбито 13 тысяч оконных стекол, 108 тысяч электролампочек, подожжено и разбито 118 автомашин.

В письме в редакцию республиканской газеты «Коммунист» 29 апреля 71 года преподаватель школы рабочей молодежи номер 2 писал: «Из страха перед учениками

1) Тонким ручейком на персональных машинах вытекало из города начальство — партийные и советские работники, директора заводов, за ними, спустя четверть часа, на ведомственных автобусах — служащие. В крытых брезентом «трехтонках» растекался рабочий класс.

боимся выходить по вечерам одни на улицу. Не решаемся задерживаться в школе, не ставим неудовлетворительные оценки».

«Когда я на уроке, — рассказывала преподавательница той же школы Ольга Н., — я чувствую себя словно среди врагов». (Из заявления в ЦК КП Азербайджана 7 декабря 1971 года). Учительница была идеалисткой — добровольно вызвалась работать в вечерней школе. Считала — рабочих необходимо приобщать к культуре. Три школьника — ударники коммунистического труда на Сумгайтском шинном заводе — затащили молодую преподавательницу после уроков в подсобную комнату и изнасиловали. Класс молчаливо подбадривал «озорников». Никто — в классе 29 учащихся — не вступился за учительницу. Это одно из 176 изнасилований в Сумгаите, зарегистрированных в 1971 году.

Бандитизм. Возраст каждого второго преступника Сумгаита — ниже 16 лет. Хозяева сумгайтских улиц — дети и подростки, милиция не в силах гарантировать покой города. В Сумгаите в 1972 году милиция инкриминировала малолетним бандитам 49 тяжелых ранений. Большинство подсудимых оправданы: пострадавшие не осмелились выступить свидетелями обвинения, боясь возмездия. Каждые 10 минут в Сумгаите совершается 2-3 злостных преступления, каждые три минуты — нападение с целью грабежа, каждые 52-54 часа — изнасилование. В 1969 году в Сумгаите было зарегистри-

стрировано на 17 процентов преступлений больше, чем в 1968 году, в 1970 году — на 23 процента больше, чем в предшествующем.

От основания Сумгаита — с 1947 года — тяжело ранено 11 тысяч 208 человек. Украдено или разбито легковых автомашин больше, чем их производит в год Московский автозавод малолитражных машин. Насильственной смертью погибло за эти годы в своих квартирах или на улицах больше людей, чем их родилось в 1972 году — 6 тысяч человек.

Насилие сопутствует этому городу со дня основания — его строили в испепеленной солнцем Апшеронской долине заключенные, сейчас их кровь, словно взывая к возмездию, ударяет в головы циничным, осторожным или хладнокровным гражданам. При закладке города на ударной молодежной стройке — в первой послевоенной сталинской пятилетке — загублено 48 тысяч жизней заключенных. Вместе с первыми парками и садами в Сумгаите выстраивались вышки тюрем и исправительных колоний — их было в 1950 году 11.

Ежегодно 78 человек погибает в Сумгаите по недоразумению: кто-то в ком-то ошибся.

Ахундов усмехнулся, вспомнил заголовки газет: Сумгаит вызвал Севастополь на социалистическое соревнование — бороться за звание образцового коммунистического города. Хорош город, без театров, без вузов, лишь несколько забегаловок и шашлычных, да два-три кинотеатра.

Ахундов не любил Сумгаит. В нем не погас страх, пережитый там в 1964 году.

* * *

...Сумгаит плавал в истоме жаркого лета. Тысячи рабочих собрались на центральной площади у горкома партии — они лежали и стояли, скандируя: «Хлеба, мяса! Мяса! Хлеба!» Они требовали нормального снабжения. А как его наладить, если даже в Баку продовольствия нехватало!

Милиция не расположена к шуткам — бросилась на возмущенных, рассекая толпу: сотни людей были тяжело избиты, десятки арестованы. При «нормальном советском мышлении» люди должны были разбежаться. Но они стояли, не рассыпаясь, как бывало. Замелькали неистовые лица, вскинутые, сжатые кулаки. Вот сшибли милиционера, опрокинули другого. Людские волны накатывались, переворачивая милицейские автомашины. Кто-то выбросил над головой портрет Сталина — вырезанную из старого журнала литографию. Почему Сталина? Какие сентиментальные чувства или человеческие симпатии могли питать азербайджанцы к параноику, опоганившему их землю 380 тысячами расстрелянных, сосланных, репрессированных? Но, к сожалению, не все подчиняется арифметике. Меряя жизнь степенью своей неосведомленности, люди полагали: что было — лучше того, что есть.

На краю болотистой равнины при въезде

в Баку — тысячи ветхих лачуг из глины, жести и досок. Забрат, Беногоды, Сабунчи — целые поселки с детьми, страдающими малокровием от недоедания. (По данным Минздрава АзССР за 1970 год, дневной рацион для половины азербайджанских детей — 1200 калорий, а необходимо 2000. Их организмы получали 59 белков — нужно 100). 1)

Еще факты и доказательства? Сколько хотите. Во время медицинского обследования в Закатальском, Шамхорском, Пушкинском, Саатлинском районах республики установлено: 13,8 процента детей на грани слепоты из-за недостатка в организме витамина А, а гамма-глобулины в крови оказалось меньше, чем у детей, живущих в соседнем Иране.

В Бильгях, в непосредственной близости от роскошных правительственных дач и великолепных вилл, где устраивались приемы, обходящиеся в тысячи тысяч рублей каждый, было обнаружено, что от недоедания страдает 41 процент жителей. У некоторых развилась дистрофия.

Бедность — удел каждого второго пожилого человека в СССР, ушедшего на пенсию. Средний размер пособия по старости, как показали социологические обследования, проводившиеся Институтом конкретных социологических исследований АН СССР в 1971 году в Архангельской, Волгоградской, Сара-

1) Из отчета министра здравоохранения Азербайджанской ССР Векилова на бюро ЦК Азербайджана в феврале 1969 года.

товской и Чкаловской областях, составляет 59-62 процента минимального прожиточного минимума. Это — если городские жители, для сельскохозяйственных работников было еще ниже — 47 процентов от прожиточного минимума.

Сельские рабочие ютятся в деревянных домишках без водопровода и коммунальных услуг, площадки перед которыми подобны навозным ямам. Обитатели лачуг страдают от кишечных заболеваний, почти у 80 процентов граждан разрушены зубы. На каждом углу пьяницы, которые за один-два рубля напившись, пытаются выскочить из «светлого подобия коммунизма». Постоянно происходят жестокие драки, слышны проклятия отчаявшихся женщин и тяжелые удары избивающих их мужчин.

Но ужасают не масштабы бедности, поражает смирение бедняков — у них нет надежд. Дети смотрят безучастно. Скандалы, склоки — обычное обрамление их жизни. У них старчески умудренные лица. Они когда-нибудь взбунтуются... Взбунтуются? Кто еще не был в тюрьме — иди. Будешь паинькой.

...— Я даю вам десять минут, чтобы разойтись, — надрывно кричал на городской площади в Сумгаите полковник Рзаев. С сотней милиционеров он преградил дорогу молодым людям с портретом Сталина, рвущимся в горком партии...

— Десять минут, и спустим собак!

Каждый второй милиционер держал на

длинном поводке здоровую немецкую овчарку...

Это был большой день для милиции и... собак. Собака — друг человека, но, к сожалению, не способна разобрать, друг ли человеку ее хозяин. 96 юношей в тот день были госпитализированы в республиканской больнице им. Семашко с тяжелыми укусами.

...Сумгаит застыл в ленивой полудремоте, словно на открытке: небо, как ему положено на юге, было голубым, деревья и трава — зелеными. Все было так. И все было обманом. Город усеян остовами изувеченных машин, осколками бутылок, не успела высохнуть вода, которой из брандспойтов разгоняли толпу.

Вы думаете, наверно, что чекисты похожи на первобытных людей? Напрасно. Ничего страшного не было в майоре Оруджеве. Располагающая внешность преуспевающего господина. Болтливость доброго отца семейства. Откровенность человека, убежденного в своей правоте: « Вы возмущаетесь? Есть тяжело раненые? Сожалею. Погорячились ребята. Разберемся. Что? Кто-то ослеп? Жаль. Но этого мы не могли позволить: сегодня Сумгаит, завтра Баку. Догадываетесь, чем все это может кончиться? Неужели рабочие не понимают, что мы не станем либеральничать? А может быть, эти смутьяны не случайно взбунтовались? А кто за ними стоит? »

В голосе майора нет лицемерия. Совсем не страшен майор с благородной сединой на

висках, с мягкой улыбкой и пухлыми губами. Но не он ли бил ремнем и топтал ногами ослепшего юношу?..

Начало мая следующего года принесло новые демонстрации и аресты. 9-го мая воинским парадом в Баку торжественно отмечали 20-летие разгрома фашистской Германии. На правительственной трибуне были гости из «братских республик». И вдруг толпа «смутьянов» прорвалась на площадь имени Ленина, надвинулась на трибуну. Генералы и министры бежали. Мэр города Лембиранский униженно уговаривал:

— Пожалуйста, разойдитесь... Разойдитесь. Пожалуйста, все претензии завтра — в горисполкоме...

Целый день, а затем и ночью, над городом раздавались озорные песни. Но очень скоро нашли «виновных», «мятеж» свели к разгулу уголовников, будто бы грабивших и громивших магазины.

Уголовники действительно были, но уголовная стихия — лишь накипь на стихии ненависти, захлестнувшей Азербайджан в 1964-65 годах.

Проблемы Азербайджана — это прежде всего проблемы безысходной бедности, бесправия, отчаяния. В Азербайджане доход в среднем в 1,7 раза меньше, чем в Москве, а количество не квалифицированных рабочих в 1,8 раза больше. В три раза выше преступность, в 2-3 раза больше наркоманов, в 2 раза выше венерическая заболеваемость...

— Будьте благоразумны, Баку, Сумгаит,

— упрасивал В. Гладышев, чрезвычайный эмиссар ЦК КПСС, на партийном активе. — Ведите себя смирно!

Бросают в глотки растревоженного Баку и беспокойного сиротливого Сумгаита почти вдоволь яиц, молока, мяса, колбасы. Надолго ли? Пройдут месяцы — два, три, четыре — и прилавки магазинов вновь опустеют. Москва не захочет поделиться. Хлеб не просят — его надлежит вырвать в борьбе.

Демонстрации в Баку и Сумгаите — майские зарницы? Придет ли вслед за ними « жаркое лето »? И вспомнят ли о них спустя десять лет? А может быть и не поверят. Как не верят студенту Азербайджанского индустриального института Н. Хазаряну, которого 12 дней морили голодом и избивали в подвалах Сумгаитской милиции, выпытывая, кто руководил бунтовщиками?

* * *

...Сейчас, когда июньское солнце приступило к обязанностям кочегара, Ахундов сплевывает в носовой платок и вытирает им мокрый от пота лоб. Ахундов представляет себя академиком. А почему бы и нет? Академиками становятся профессора. Он уже профессор...

Попыхивая ароматной кубинской сигарой, видит себя застенчивым худеньким мальчиком, отвечающим на вопрос школьного учителя — кем он хочет стать.

— Русским...

Усмехнулся довольный. Находчивым был. Понимал, однако, — это выход для фантазии отчаявшегося от национальной несправедливости ребенка, но не выход в паспортной России.

Много ездил по стране Ахундов, но не встретилось ему уголка, где бы не существовало дискриминации, рекламируемые права «нацменов» — жалкая кость, брошенная «младшим братьям».

Вспомнил злую шутку Кунаева : я первый казах в Политбюро ЦК КПСС и... последний.

Не потому ли «малые» народы столь нетерпимы к другим национальностям в собственных республиках — ущербное самолюбие ищет выхода и самоутверждения. «Живое чувство справедливости, — размышлял Ахундов, — находит себя в национальном экстремизме.» Так оно и есть. И в этом всегдашняя беда «мышления наоборот». Оно ничего не может поделаться с прорехами и изъянами навязанных ему насильственно абстрактно-справедливых нормативов и само выворачивает их наизнанку.

«Что ни говори, Гусман прав. К черту все!» Он и на этот раз оказался дальновиднее других: когда в Политбюро ЦК КПСС не разрешили ему, Искендерову и Алиханову баллотироваться в академики АН Азербайджана — вот куда дотянулись интриги! — Ахундов встретился с Брежневым.

Перед Ахундовым было много возможностей, он предпочел ту, ради которой стоило жертвовать положением, — стать действи-

тельным членом Академии Наук, но не республиканской, естественно. В нее «выбираются» одним росчерком его же пера, и быть в ней не велика честь.

Ахундов уж видел себя, деятельного, динамичного, — надо только немного отдохнуть и полечиться — секретарем отделения микробиологии Академии Наук СССР. А почему не вице-президентом? — И тогда можно спокойно умереть. Зачем умереть? — жить. Академик — это, кажется, по-французски «бессмертный»...

Прошлое не дает никакой опоры, не предлагает целей, надо жить мгновением. И долгожданное мгновение наступило: престарелый, выживший из ума президент АН Азербайджана Р. Исмаилов провалился на выборах в Союзную Академию. Какой удар по престижу республики и какая необыкновенная возможность спасти, восстановить престиж! Оставить опостылевшее секретарство и заменить Исмаилова!

Убедить Брежнева не стоило труда, в мае 1969 года Ахундов был «избран» в действительные члены АН Азербайджана. Простая формальность. И вот через несколько дней, на пленуме ЦК Азербайджана, Ахундов в соответствии с собственным желанием (действительно по собственной просьбе, придется смириться — иной дороги нет) станет президентом Академии Наук Азербайджана. А там всего лишь шаг до большой Академии.

Ахундов думал: «А может быть, добавить "В связи с укреплением научной работы?"

Да — так лучше. Надо подсказать». Он все оговорил с Брежневым. Вместо него назначают Амирова. Слабоват. Но есть хватка, и предан ему. Представил разочарование Искендерова и Алиханова — они-то, дураки, думают: пробьет их час? Ничего — проголосуют послушными овцами. На пленуме будет сам Кириленко. Кстати, почему Кириленко все еще не сообщил о дате выезда? Вроде бы пора. А что если позвонить? Не стоит. Сейчас самое важное — не терять самообладания. Легко сказать — «не терять»! Ахундов взял таблетку триоксозина, запил содовой. Сморщился: не простое дело — самому себя снимать.

...В мутном небе, покрытом копотью, сворачивался день. Дома стали тяжелыми, мрачными. Ахундов закончил рабочий день и спустился к машине. Не думал больше ни о чем, быстрее за город, на море! По дороге лишь однажды мелькнула тревожная мысль: где это пропадает Алиев, почему его не было на аэродроме? Встречали президента Сирии. Должен был быть — председатель КГБ...

Перед лицом беды Ахундов не знал, что вот уже три года председатель КГБ Алиев собирает на членов бюро Азербайджана компрометирующие материалы: агентурные сообщения секретных сотрудников, донесения добровольных осведомителей, магнитофонные записи подслушанных телефонных разговоров, жалобы. Систематизирует и терпеливо ждет своего звездного часа.

Держал он их дома, в сейфе, незаметно вмонтированном под репродукцией картины Шишкина « Утро в сосновом лесу »...

В Азербайджане после отбытия заключения вновь возвращались в тюрьмы: в 1968 году — 31 процент преступников, в 69-м году — 33 процента, в 70-м году — 29 процентов, в 1971 г. — 37 процентов. (Из выступления на бюро ЦК Азербайджана министра МВД Аз ССР 7 января 1972 г.)

В 1970 г. мальчики и девочки моложе 15 лет совершили 922 ограбления магазинов (из справки-отчета, представленной министром МВД Азербайджана в отдел административных органов ЦК КП Азербайджана 28 марта 1972 г.)

В Азербайджане после ухода на пенсию успешно работают 983 бывших сотрудника КГБ. Из них 20 процентов — в системе Совета Министров, 42 процента — в органах юстиции, 22 — в вузах и школах, 16 — в милиции. (Из выступления Красильникова на бюро ЦК КП Азербайджана 4 сентября 1971 г.)

Глава III

А Л И Е В

Азербайджанцы, пожалуй, самые дезинформированные люди в СССР...

В Москве, в орготделе ЦК КПСС, в секторе Закавказских республик, несколько дней отмечалась необычайная активность. Апатичный Морозов еле поспевал принимать вызванных на доклад сотрудников. По коридору с пухлыми портфелями фланировали гости с юга — загорелые, румяноскулые, с вкрадчивыми манерами. Заходили к Морозову группами или поодиночке, торопливо семенили к Петровичу, поднимались тяжело дыша в секретариат.

Алиев в приемной Капитонова появился поздно вечером. Он осторожно сел, точно боялся, что стул не выдержит его длинного крепкого тела. Одетый в светлый, в черную полоску костюм, выглядел щеголевато, даже изысканно. Гладко выбритое смуглое лицо было взволновано, виноватые улыбающиеся глаза полуприкрыты большими ресницами.

«Сейчас или никогда! Ставка — власть!» Алиев любил размышлять витиевато, обле-

кал мысли в красивые литературные слова. Он ревностно поклонялся единственному богу — себе, однако понимал и старался избежать грубой простоты, прикрываясь, подчас даже бессознательно, заботой « об общем благе ». Были в его жизни и битые себя в грудь, и речи о собственной немощи. Вспомнил 45-й год. Его, молодого лейтенанта, вызвали к генеральному комиссару.

— Ты кто? — прищурясь спросил Абакумов.

— Я, — встрепенулся Алиев, — вызван в связи с расследованием « померанской группы ».

— Так-так, — Абакумов большим пальцем почесал за ухом, — значит, все вернулись... Странно! Такая война — смерть, а вы — целы.

— Виноват!

Абакумов беззвучно рассмеялся:

— Это хорошо, что виноват. Накажем.

— Так точно, товарищ генерал-полковник!

Алиев, крепкий, рослый парень, всю войну прослужил связистом в войсках СМЕРШ — сперва на Украинском фронте, с 43 года в тылу врага — в Германии. Он знал крутой нрав шефа, все опустилось в нем от страха, уставился на Абакумова, со всем согласный, на все заранее готовый.

На лице Абакумова отразилось удовольствие:

— Молодец! Так надо отвечать.

Расторопного лейтенанта взяли в цен-

тральный аппарат военной разведки следователем, а когда при реорганизации КГБ в 1953 году был расширен Восточный отдел, Алиев перешел туда.

Где только ему не довелось побывать и поработать за эти годы — в Иране, в Турции, в Пакистане, Афганистане, и еще раз в Турции. В конце 50-х годов Алиев заканчивает Высшую школу КГБ, через пару лет ему присваивают звание полковника и посылают в Азербайджан зам. председателя КГБ. Удачная карьера, и Алиев был бы ею вполне доволен, если бы не Цвигун, его непосредственный начальник — председатель КГБ Азербайджана.

Победа Брежнева открыла вакансии, хлынули, расталкивая друг друга, сподвижники нового Генерального секретаря и, конечно, его родственники. Глупое счастье улыбнулось Цвигуну — зять жены Брежнева, он переведен в Москву, назначен первым заместителем председателя КГБ СССР. Из генерал-майора сразу в генерал-полковники.

Алиев удачи не ждал, он делал ее сам, дено и ночью. Задерживался в кабинете дольше других, просматривал многочисленные сводки и агентурные донесения, не перепоручая подчиненным, выезжал, хотя как зам. председателя КГБ мог этого и не делать, в отдаленные районы, в пограничную зону. При этом был внимательным, заботливым мужем и радушным хозяином, по-восточному широко умел принять гостей, как никто другой — приготовить шашлык, плов... Се-

мейство Цвигун любило бывать на даче в Загульбе у Алиева — там всегда можно было встретить интересных людей: художников, поэтов, ученых. И никакой кичливости, показухи — скромно, серьезно. Понятно, что когда поднялся вопрос о новом председателе КГБ Азербайджана, более подходящей кандидатуры, чем Алиев, не могло и быть. Одно существенное препятствие: после расстрела Багирова Москва при назначении председателя КГБ в Азербайджане неизменно исходила из принципа: кто угодно, но только не азербайджанец! Собственно, это общая установка для всех республик: «нацмены» трудились на Украине и в Белоруссии, русские — в «братских» республиках. Тем самым, как полагали, исключалось местничество, протекционизм. Но Алиев, считал Цвигун, — человек необычный: педантичен, как немец, видимо, не прошел бесследно опыт работы в Германии, трудолюбив, как афганец, — научился в Кабуле, выдержан, образован... Алиев понравился и Андропову, а с Брежневым говорили супруги Цвигун. Так Алиев стал председателем КГБ, в соответствии с должностью — генералом.

Цвигун не ошибся в Алиеве: он не зазнался, оставался дисциплинированным, стремился не только фиксировать факты, пресекать преступления, но, если разрешали, осмысливать и их истоки.

Казалось, факт известный: в первом таксомоторном парке в Баку на мойке для автомашин каждый шофер давал взятку. Деньги

небольшие — рубль, но машин две тысячи. Кому идут? Директору Биглярбекову? Кому еще?.. А в Кировском поселке, рядом с дорогой, — шашлычная. Плохо освещенная, с нечистым залом. Баксовет решил ее закрыть — работает! Перебои с продуктами в городе, а там всегда свежая баранина. Среди посетителей — министры, секретари райкомов, директора заводов... Наведывались и работники милиции, требуя: на поллитра — пять рублей, на закуску — сорок. Заведующий, тщедушный армянин на протезе, — платил беспрекословно. Каждый месяц он давал крупную сумму и в райком. Он был щедр даже тогда, когда работники КГБ приходили по делу: уговаривал взять ящик чешского пива. Откуда деньги?

Установили — притон. Почему смотрят сквозь пальцы местные органы? Нити завели в ЦК, к секретарям.

Открылась в Баку афера с квартирами: на скамье подсудимых почти в полном составе два райисполкома — Октябрьский и 26 Бакинских комиссаров. Дело грандиозное, оно подобно спруту, опутало жизнь большого города. В преступление втянуто 78 человек — и какие! Министр Рагимов, председатель райисполкома Караев, зам. председателя райисполкома Лунева, несколько секретарей райкомов. Следствие вели советники по особым делам прокуратуры СССР и КГБ республики. Пять судебных разбирательств: большинство подсудимых оправданы. Под стражей оказались трое: Раби-

нович, Лунева, Вайханский. Впрочем, спустя несколько лет Рабинович и Лунева помилованы. На долгие годы сел Вайханский — тот, кто, не выдержав перекрестных допросов и бессонных ночей, чистосердечно покался, причинив так много беспокойства и тревог добрым жителям большого города.

И все же, кто стоял за мошенниками? Изворотливый адвокат Рабинович, зять известного генерала Голикова, или председатель Бакгорисполкома Лембиранский? В коррупции был уличен член Верховного суда Азербайджана Мамедбеков: в общей сложности он получил взятки на сумму 987 тысяч 273 рубля. Неудача, однако, постигла следователя КГБ: прокуратура не дала санкцию на арест. Безучастным оставался и генеральный прокурор Руденко. Почему?

Районные судьи практически назначаются (блеф с выборами — для простодушных) райкомами партии. Как это получается, что почти все судьи — с запятнанным прошлым? А остались ли вообще честные люди в республике?

В Кировобаде начальник горуправления милиции не довольствовался взятками и ежемесячным содержанием: построил себе пять домов. Стало быть, не случайно жалуются начальник республиканского уголовного розыска, что в течение долгих лет Кировобад терроризирует банда преступников: она успевает скрыться всякий раз до появления милиции. А он сам — чист?

Партийные деятели приходят в политику

без денег, уходят на пенсию с виллами, автомашинами. Откуда? Как на министерскую зарплату мог сколотить миллионы бывший председатель Совета Министров Рагимов, из каких источников берутся средства у председателя Совпрофа Азербайджана Дадашева скупать через своих агентов в Одессе и в Таллине у иностранцев валюту? Министр торговли Кафаров преподнес сыну Ахундова в день рождения в подарок автомашину «Волга».

Иногда Алиеву становилось жутко. Получалось, что существующая в республике власть на местном, районном и городском уровне и есть наибольшая опасность для закона. Он, однако, ничего не мог изменить: слишком многие замешаны и слишком многих это устраивало. Лишь изредка, горячась и волнуясь, он делился своими горькими мыслями с Цвигуном: их близость не ослабла. Несмотря на занятость, Цвигун находил время и доброе слово для Алиева — внимательно выслушивал, терпеливо объяснял: ничего не поделаешь — местные условия. Алиев убеждал: надо сообщить Брежневу. Цвигун загадочно улыбался: рано, пока не время.

Не проходило дня, чтобы Алиеву не сообщалось о новых преступлениях. Чиновники советских учреждений брали взятки, чтобы записать посетителей на прием. Служащие коммунальных учреждений — за «ошибки» при выписке счетов за перерасходованную электроэнергию, газ, воду. Управляющие

аптек платили врачам, те выписывали дефицитные медикаменты, больные — медицинским работникам за « липовые » бюллетени. Время от времени в скандалах оказывались земешанными управляющие фирм, министры.

Не гнушались « чаевыми » и журналисты. Пархоменко был в течение ряда лет корреспондентом газеты « Бакинский рабочий ». Он хорошо знал город и его нравы. Это был его « шанс » : Пархоменко сообщил 20-ти начальникам цехов, что располагает информацией, опубликование которой непременно приведет их на скамью подсудимых. Дельцы призадумались : можно было бы, конечно, отмахнуться — власть своя, но решили откупиться, дав 150 тысяч рублей журналисту. Председатель АЗОСа М. Алиев долго уговаривал корреспондента, чтобы тот молчал. Но то ли Пархоменко где-то похвастался, то ли, вероятнее всего, посредник проболтался, и сведения просочились в прокуратуру СССР. Бизнесмены нажали на соответствующие рычаги в ЦК — это стоило еще двухсот тысяч — и Пархоменко выбросили из республики.

Вернулся Пархоменко в Азербайджан через много лет, остепенившийся. В его сегодняшних корреспонденциях из Азербайджана на центральное телевидение замечается умудренная осторожность.

Милиция в Азербайджане давно чувствует себя не борцом против преступлений, а регистратором. Но и с регистрацией дела не-

важные : 62 процента преступников от наказания откупаются, 38 процентам предстоит попасть в суд, но осуждается 12 процентов. Судьям ведь тоже хочется жить. В Азербайджане на свободе сотни людей, совершивших серьезные преступления, — не только потому, что преступники стремятся откупиться и откупаются, а следственные органы желают получить взятку и получают, но и потому, что в каждом отделении милиции существует план и даже соцсоревнование по показателям преступности. Принято считать, что милиция несет ответственность и за профилактику преступлений, то есть в текущем месяце их должно быть меньше, чем в предыдущем, и больше, чем в будущем.

А преступники на свободе и при этом нигде не работают : число дерзких преступлений увеличивается из года в год. В Баку (в среднем с 1965 года по 71-й) — на 22 процента, в Кировобаде — на 27 процентов, в Ленкорани — на 17 процентов. 1)

В Азербайджане есть целые кварталы, в которых по вечерам появляться опасно : раздены, пырнут ножом, изнасилуют. В Баку — Завокзальный район, Советская площадь, улица Димитрова, семь параллельных улиц, в Сумгаите — набережная, в Кировобаде — район стадиона.

Жители городов запирают свои квартиры, как тюремные камеры : обитые железом

1) Информация взята из архивов административного отдела ЦК Компартии Азербайджана.

двери, сложная система сигнализации. В парки ходят лишь группами и в праздники, в клубы, на танцы, если рискнут, — большими компаниями, шоферы такси выручку частями завозят в парк — если нападут, то хоть деньги останутся целы. Самая опасная профессия — сторожа. Почти ежедневно из глухих районов привозят охранников с пробитой головой или тяжелыми ножевыми ранами.

В азербайджанских городах есть особо опасные районы, полностью безопасных нет. «Позор — в республике анархия и хаос. Для чего существуют органы?» — размышлял Алиев. При воспоминании о тюрьмах его передернуло от омерзения. Начальники живут, как короли, — бесплатное довольствие, спирт — рекой, лечпособие, персональные машины. А колонии страшнее ада: надзиратели истязают заключенных. Капитан Самедов — начальник колонии номер три — гордился своим изобретением — «креслом». Провинившихся заключенных усаживали между двумя железными стульями, привязывали ремнями и раздвигали стулья. После такого «испытания» человек «исправлялся», каялся или... терял сознание.

А майор Зейналов, тихий, флегматичный, в больших очках в роговой оправе, — никак не поверишь, что он давил помидоры о половые органы заключенных. Оценили изобретательность: Зейналов пошел на повышение — стал зам. начальника оперативного отдела в Управлении.

Алиев изучил свидетельства о смерти заключенных в Закатальской колонии, нашел справки о смерти либо без подписи врача, либо с непрофессионально сформулированной причиной смерти. Поражало число молодых заключенных, умерших от «инфаркта». Такого не могло быть. Алиев поговорил с Ахундовым — куда там! Секретарь огрызнулся: не его ведомство — в МВД разберутся.

Алиев мог бы рассказать еще о многом. Например, как в Баилловской тюрьме надзиратель убил ломом заключенного, а затем оформили акт о несчастном случае. И свидетели нашлись: чего не сделают заключенные ради лишней пайки хлеба или внеочередного свидания.

Такое в ГБ невозможно... сейчас. Даже на исповеди Алиев не мог бы объяснить, почему он добавил слово — сейчас. Он ведь разведчик, международник, его профиль — заграница. Но и до него время от времени доходила — чаще ЭТО докатывалось робкими слухами, реже наплывало волнами — информация, что и сегодня случаются в ГБ пытки. «Ограниченно, — оправдывался Алиев, — под контролем»... Используется и круглосуточный свет в камерах. И в шкафы на целую ночь ставят. И бессонница, и ледяные карцеры. Но об этом Алиев запрещал себе думать.

Он любил Азербайджан и считал: республике нужны честные следователи, решительные судьи. Принципиальные. Неподкуп-

ное руководство. Его народ хочет обрести покой и не может. Настало время, чтобы республику возглавил сильный человек. Народ ждет его. Таким человеком, решил Алиев, будет он...

* * *

...Брежнев закончил читать и поднял голову. Алиев замер, выражая нетерпение. Цвигун развалился в кресле, закинул ногу за ногу, любуясь игрой света на лакированных штиблетах. Капитонов томился, откинувшись на спинку стула.

— Вы считаете, что смена руководства может что-либо изменить? — Брежнев все еще перебирал разложенные перед ним бумаги, не решаясь их отодвинуть.

Алиев встрепенулся:

— Всего руководства. Несомненно.

— Да-да, Иван Васильевич, — Брежнев кашлянул и посмотрел на Капитонова, — докладывал: вы за радикальные меры. И Ахундова?

— Разумеется.

— А кого вместо него?

Первой мыслью Алиева было промолчать. Он посмотрел на Цвигуна. Цвигун приподнялся в кресле, подбадривая еле заметно кивком головы, Капитонов отвернулся к окну: его происходящее не касалось. Вчера на секретариате ЦК решили: вместо Ахундова утвердить Алиева. Но Брежнева все еще одолевали сомнения: а что если Алиев

не потянет? И он загадал про себя: будет Алиев юлить — повременить.

— Прежде всего честного, — Алиев набрал воздуха, — лучше из КГБ.

— А если вас — согласились бы?

Алиев сдержанно:

— Да.

Лицо Брежнева просветлело. Встал, прошелся по кабинету: «А почему, собственно, не его? Риск невелик: наколет дров — уберем». Алиева он видел всего несколько раз, да и то мельком: на съезде, когда представляли делегацию Азербайджана, и еще где-то — не мог вспомнить.

Но Цвигун настаивал: Алиев для Азербайджана — самый подходящий кандидат. В Азербайджане безначалие, практически нет советской власти.

«А где есть? — подумал Брежнев. — В Грузии — чванливый Мжаванадзе с ужимками удельного князя, или в Эстонии, в Латвии? Понять, что там происходит, — примерно то же самое, что наблюдать за одеялом супругов: видите движения, слышатся стоны и хрипы, а не поймешь — целуются или дерутся. Да и не до них, собственных проблем хватает. Шелепин так и колет ученостью — смотрите, ох какой я умный. Суслову не доверишься — старая лиса лишь притаилась. Вот-вот укусит. Но в Азербайджане определено что-то надо делать. Цвигун, а вот теперь и Кириленко, в один голос твердят: теряем контроль. А что из этого может произойти — ясно. Чехослова-

кия рядом. Только еще одной Чехословакии сейчас не хватало !.. »

Прищурясь, спросил :

— Справитесь ?

И не дожидаясь ответа :

— Мы обменялись в Политбюро мнениями — дерзайте ! Но только чтобы без самочинства.

Голос Алиева дрогнул :

— Я оправдаю доверие партии, ваше личное, Леонид Ильич.

Брежнев, казалось, не оценил льстивого выпада :

— Партия вам доверяет.

Усмехнулся.

— А может быть все же уважим Ахундова ? — просится в президенты. Он вам не помешает.

Алиев растерянно посмотрел на Цвигуна.

— Разрешите, Леонид Ильич, — Цвигун встал, оперся руками о полированный стол, — мы должны дать понять, и не только в Азербайджане, что не потакаем прихоти Ахундова, а наказываем за совершенные преступления. Невзирая на лица ! Хищение социалистической собственности есть не что иное как рецидивы буржуазной психологии, опасные для нашего государства и глубоко чуждые...

Брежнев не слушал — размышлял. Цвигун прав, в Азербайджане фактически явочным порядком установились явления, угрожающие существованию режима. Коррупция — продукт советской системы, Брежнев

это хорошо усвоил, еще работая на Украине и в Казахстане. И не побочный, а основной, ей необходимый. Как же иначе, если не послаблениями, приспособить человека к режиму, примирить с ним. Но в Азербайджане этот производный феномен пришел в столкновение с системой. Даже такая неформализованная структура, как советская, нуждается хотя бы в видимости формального правопорядка. Особенно пугало Брежнева, что так недолго докатиться до требования экономических послаблений. Но вместе с тем Брежнев считал, что не совсем тактично начать, как этого хочет Алиев, с разгрома всего республиканского партийного и советского аппарата. Если уж так нужна жертва — пусть будет Ахундов.

Брежнев пожевал губами, удобнее укладывая вставную челюсть: а все же жаль Ахундова — милый, обходительный человек. Напрасно обещал: не будет теперь торжественных проводов, и Героя придется не дать. И вместо Кириленко в Баку придется ехать Капитонову. Видимо, никак невозможно в этой полуазиатской стране, чтобы секретари уходили сами — Брежнев тяжело вздохнул:

— Пусть будет вице-президентом...

... — Друг, поехал!

На душе было легко. Закончилась еще одна командировка в Москву — удачная: приехал никому не известным генералом, уезжает первым секретарем ЦК. Сколько

еще в его жизни будет таких поездок? Верил — не одна.

...Азербайджанцы действительно самые неинформированные люди. Сообщение в республиканских газетах было предельно немногословным: Пленум освободил от обязанностей первого секретаря ЦК КП Азербайджана Ахундова в связи с избранием его вице-президентом Академии Наук Азербайджана. Первым секретарем и членом бюро ЦК КП Азербайджана избран Г. Алиев. В работе пленума принимал участие секретарь ЦК КПСС И.В. Капитонов».

Еще почти месяц по республике ползли слухи: одни утверждали, что у Ахундова открылся рак крови и что жить осталось ему совсем немного, другие посмеивались и говорили: Ахундова вот-вот отзовут в Москву и назначат вице-президентом Академии медицинских наук и чуть ли не ее президентом, а третьи, немногие осведомленные, скептически пожимали плечами и предсказывали некоторые перемены. Но никто — даже сам Ахундов — не предполагал, что это — начало «тихой» революции, которая, начавшись в Азербайджане, перебросится в соседнюю Грузию, протянется к Армении и остановится, выжидая, у Прибалтики и Средней Азии.

Со времен Ленина правительство и народ в России существовали как дополнение к партии и для партии. Партия выступала как субститут и универсализация самого государства. В конечном счете партия могла

существовать и без государственного аппарата, который являлся по отношению к партии подсобным исполнительно-распорядительным или декоративным дополнением. И лишь карательные органы во времена Сталина были несколько изолированы от партии, обладали суверенитетом и автономией, а подчас и определяющим влиянием — в зависимости от конкретного цикла «пролетарской революции». Режим тирании партии не мог, естественно, опираться ни на какой закон, поэтому вся технология власти была пропитана самодурством, вся его история — это уголовщина, наложенная на политику (или, если угодно, политика, совмещенная с уголовщиной).

Алиев не мог да и не ставил перед собой такой цели — сломать этот годами отлаженный механизм. Но стяжательство, взяточничество возмутили его дух кадрового офицера, воспитанного в жесткой субординации и слепом повиновении. И он, не трогая систему партийной машины, начинает заполнять ее — от ЦК до райкома — кадрами политической полиции. Так структура власти, всегда пронизанная чекизмом, и тут нашла и утвердила себя в совмещении ЦК с КГБ.

Алиев не был достаточно образован, чтобы осмыслить заранее и прочертить этот процесс в его логической и целенаправленной последовательности. Он постигал его интуитивно — на всех уровнях партийной и советской бюрократии он видел растение

и разложение. Он обращался к прошлому, к опыту госбезопасности. Там находил и подходящие кадры: не развращенные (потому что были оторваны от жизни и замкнуты в глухо изолированном и хорошо обеспеченном кастовом пласте — этого Алиев не понимал), послушные и управляемые. И он начинает «перекачку кадров»: из органов КГБ изымаются наиболее перспективные специалисты и кооптируются во все партийные организации — поначалу в центральные, дальше и постепенно — в периферийные, и наконец — в советские. А все, что есть еще не «прогнившего» в партии, вернее в ее молодежном подразделении — комсомоле (в партии, по словам Алиева, все «прокисло» на корню), посылается на «переплавку» и очищение в КГБ, в многочисленную сеть школ, рассредоточенных по всему СССР.

В течение трех лет, с августа 69 года по август 72 года, из Госбезопасности на партийную и советскую работу Алиевым было двинуто 1983 легальных или секретных сотрудника КГБ.

Среди них вновь назначенные:

1. Председатель Совета Министров Ибрагимов А.И. — работал ряд лет в 40-х годах в центральном аппарате КГБ в Москве.

2. Первый заместитель Председателя Совета Министров Ибрагимов И.А. — научный консультант КГБ Азербайджана, в 1957-68 годах выполнял разовые задания КГБ в многочисленных зарубежных поездках.

3. Секретарь ЦК КП Азербайджана Д.П. Гулиев — начинал свою карьеру в 30-х годах в ЦК, в годы войны служил в частях СМЕРШа.

4. А.Г. Керимов — первый секретарь Бакинского городского комитета партии — работал в разные годы министром МВД республики, председателем народного контроля.

5. К.А. Халилов — председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР — руководил в 50-х годах финансовым отделом КГБ Азербайджана, позднее — министр финансов республики, работавший в непосредственном контакте с административными органами.

6. А. Визиров — первый секретарь Кировобадского горкома партии, кончил двухгодичные курсы КГБ, позднее — секретарь ЦК ВЛКСМ по кадрам — номенклатура КГБ СССР.

7. Гейдаров — министр внутренних дел Азербайджана. В середине 60-х годов — резидент советской разведки в Турции 1).

1) После того, как была изобличена в сребролюбии большая группа работников милиции, — были смещены и отданы под суд министр МВД, четыре его заместителя, начальники республиканского и городских управлений милиции — Алиев пришел к выводу, что невозможно полагаться на органы МВД: он вылетел в Москву и убедил Андропова отозвать из Турции Гейдарова. Только ему — единственному — близкому и хорошо знакомому по совместной службе, он решил доверить руководство милицией и управление колониями. В течение трех лет (декабрь 69 - декабрь 72) было уволено Алиевым 384 офицера МВД.

8. Р. Мамедзаде — зав. отделом организационно-партийной работы ЦК КП Азербайджана, подполковник, до перевода в ЦК в 1971 году возглавлял отдел КГБ Азербайджана.

9. А. Шарифов — зав. отделом науки ЦК КП Азербайджана, в 60-е годы был спецкором газеты «Известия» в Турции и Пакистане. Фактически — эмиссаром Восточного отдела КГБ. 1)

В разные годы работали в госбезопасности или были связаны с госбезопасностью непосредственно выдвинутые Алиевым :

1. Первый секретарь Нефтечалинского райкома партии Г.А. Ханакшиев

2. Первый секретарь Сабирабадского райкома партии М.А. Мамедов

3. Первый секретарь Кюрдамирского райкома партии М.Р. Мамедов

4. Секретарь Шемахинского райкома партии М.М. Ногиев

5. Первый секретарь Нахичеванского обкома партии А.А. Гусейнов

6. Первый секретарь Бардинского райкома партии Х.И. Ибрагимов

7. Первый секретарь Имишливского райкома партии М.А. Керимов

8. Первый секретарь Касум-Исмайловского райкома партии С.А. Саилов

1) Шарифов был введен в аппарат ЦК Ахундовым по настоятельной рекомендации Цвигуна и Алиева.

9. Первый секретарь Орджоникидзевского райкома партии Э.Б. Керимов

10. Первый секретарь Мартунинского райкома партии И.М. Петросян

11. Первый секретарь Ленкоранского райкома партии И.А. Мамедов

12. Первый секретарь Хачмасского райкома партии Б.А. Гусейнов

13. Второй секретарь Нахичеванского обкома партии Н.И. Володин

14. Председатель Нагорно-Карабахского областного совета М.Г. Огаджанян и др.

Всего 37 секретарей райкомов и председателей райисполкомов, 7 министров, 14 заместителей министров, 29 начальников республиканских управлений, 1 директор театра, ректор Университета и директор Института народного хозяйства.

Они все в числе 3742 награжденных получили в 1971 году медали за безупречную работу в КГБ или юбилейный знак «50-летие ВЧК КГБ СССР». (Сведения из наградного списка коллегии КГБ СССР по Азербайджану, декабрь 1970 г.).

Так постепенно всевластие партаппарата, контролируемого ЦК, было заменено в республике олигархией КГБ через представительство в ЦК. Достигнуть, однако, желаемого — законности и порядка — Алиеву не удалось. Гром грянул в середине 1973 года — были изобличены в мошенничестве и взяточничестве 12 ответственных работников республики, рекрутировавшихся всего за несколько лет до этого из ГБ, и среди них

лично рекомендованные Алиевым Н.А. Ахмедов и С.Н. Брызгалин. Пока «доблестные» чекисты были законсервированы в рамках КГБ, они могли себе позволить (или были вынуждены?) оставаться честными, но войдя в жизнь, столкнувшись с разрушительным соблазном действительности, почувствовав свою силу, стали «впадать во грех». И тем стремительнее, чем большим и долгим было прежнее воздержание. Секретарь Бакинского горкома партии В. Мамедов горько шутил: «Нынешнее руководство от старого отличается тем, что хочет то же самое, но сразу». Гнев Алиева был таков, что сведения просочились в печать. 25 ноября газета «Бакинский рабочий» в отчете о пленуме ЦК отмечала: «Пленум вывел товарища Н.А. Ахмедова из членов ЦК КП Азербайджана за недостойное поведение». Брызгалин отдан под суд, 10 человек исключены из партии.

Но коррупция в новом руководстве неудержимо росла, ширилась. В ноябре 1973 года Алиев снимает и выбрасывает из партийно-советского аппарата 29 ответственных сотрудников, однако на сей раз без обличительных речей. Не мог же он всенародно признаться, что проделанная им работа напрасна, да и санкции на снятия давались Москвою неохотно — у каждого из «бывших» в столице своя «голова и влиятельная рука».

Но трагедия — вот вам необходимость, (диалектика хоть в чем-то, где-то должна же

была о себе заявить — не напрасно ее открыли философы) — заключалась в том, что социальная структура необратимо интегрировала людей в соответствии со своей сущностью и потребностью (те, кто так или иначе сохранили определенную нравопорядочность, зажатые в конусе социальной пирамиды очень быстро теряли ее). Социальная структура отбирала в партийных и государственных чиновниках только те качества, которые соответствовали ее характеру: корыстолюбие, эгоизм. Ей враждебны: честность, принципиальность, последовательность.

Оглядываясь назад, видишь, что «новым» была лишь мистика партийных погромов. Дух алиевских преобразований выразился по существу в вере в полицейскую силу как главную силу жизни, в обоготворении тоталитарного порядка, в презрении к реальному человеку ради абстрактной законности. Умерщвляющая беспристрастность стала украшением партийных активов и собраний, но украшением бесполезным, потому что была бессмысленной. Это стало понятно не сразу, и тогда — летом 1969 года — партийные пленумы представлялись необычными и, как выяснилось позже, возбуждали свет надежды и сеяли мрачные тени сомнения, несли очистительные обличения и вызывали пожирающие истину склоки, дарили головокружительные обещания и пугали кошмарными приступами мести. Диссонансы надрывали души, контрасты смущали умы.

Впрочем, антиномии поначалу не воспринимались, а в обличительных речах Алиева, после мертвого сезона довольствия и благодушия, слышалось биение жизни и, как казалось в ту пору, — справедливость. Вот выдержки из его выступления — самого первого, а потому, возможно, искреннего. 1)

« МЕДЛЕННО РАСТЕТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА »...

Месяцем раньше на сессии Верховного Совета Ахундов заверял, что в республике « интенсивно идет процесс роста производительности труда ».

« ПЛАН СНИЖЕНИЯ СЕБЕСТОИМОСТИ ТОВАРНОЙ ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ ПОДВЕДОМСТВЕННОЙ СОВЕТУ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ НЕ ВЫПОЛНЯЕТСЯ ».

Смелое признание : в эти же самые недели из других республик, как всегда, шли торжественные рапорты о перевыполнениях, достижениях.

« НА БОЛЬШИНСТВЕ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛНОСТЬЮ "В ХОДУ" ЛИШЬ В ПЕРВОЙ СМЕНЕ ».

Только тремя неделями раньше Алиханов на торжественном обеде в честь президента Сирии Н. Атаси хвастался, поучая : « Обратите внимание — машины и механизмы на наших предприятиях работают в полную мощность ».

1) Смотри газету « Бакинский рабочий » от 7 августа 1969 года.

« СЕРЬЕЗНУЮ ОЗАБОЧЕННОСТЬ ЦК ВЫЗЫВАЕТ ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ОТСТАВАНИЕ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ».

Как? А в сводках за первое полугодие по республике отмечался « всемерный прогресс нефтяной промышленности ». (Смотри сборник ЦСУ Азербайджана за 1969 год).

« СЕРЬЕЗНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЛОЖИЛОСЬ В ТРАНСПОРТЕ ».

Безответственная непоследовательность — в мае 1969 года начальнику управления Азербайджанской дороги Багирову вручили переходящее Красное Знамя за успехи в соцсоревновании.

« КАСПИЙСКОЕ МОРСКОЕ ПАРОХОДСТВО НЕ СПРАВИЛОСЬ С ПРОШЛОГОДНИМ ПЛАНOM ».

Стало быть, зря приказом по Союзному министерству начальнику пароходства Гашумову вручен ценный подарок за умелое руководство — 12 марта 1969 года.

« ИЗ ГОДА В ГОД НЕ ВЫПОЛНЯЮТСЯ ЗАДАНИЯ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ ШКОЛ ».

Верно, но об этом раньше почему-то не было принято говорить. Пленумы ЦК рассматривались как парад достижений.

« МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ПО-ПРЕЖНЕМУ СИЛЬНО ОТСТАЕТ » — будет отставать и в дальнейшем.

« РОСТ ТОРГОВЛИ И БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВЫЗЫВАЕТ СПРАВЕДЛИВЫЕ НАРЕКАНИЯ ».

Об этом Алиев будет говорить регулярно,

на каждом пленуме. Но тогда это было сказано в первый раз.

« МНОГО ЖАЛОБ ПОСТУПАЕТ НА НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И АНТИСАНИТАРИЮ В ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ».

Алиев даже назовет виновных — министр торговли Баширзаде, управляющий АЗЕРТИФАКа Амдимбеков, министр бытового обслуживания Мурадалиев. Он призвет их сделать соответствующие выводы. Как?

« ИМ ДОЛЖНЫ АКТИВНО ПОМОЧЬ МИЛИЦИЯ, ПРОКУРАТУРА, СУД... »

Но намек Алиева не будет понят. И их снимут.

« СЕГОДНЯ МЫ СО ВСЕЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ ДОЛЖНЫ СКАЗАТЬ О НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ, О СЕРЬЕЗНОМ ОТСТАВАНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ ».

Почти 50 лет говорилось одно и то же. Но в искренность Алиева почему-то поверили.

« СЛЕДУЕТ ОТМЕТИТЬ, ЧТО МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (ТОВ. АЛИЕВ), МЕЛЕОРАЦИИ И ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (ТОВ. АБДУЛЛАЕВ), ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ОВОЩЕВОДСТВУ (ТОВ. СЕИДОВ), ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ВИНОГРАДАРСТВУ И ВИНОДЕЛИЮ (ТОВ. РАГИМОВ), ОБЪЕДИНЕНИЕ "АЗЕРЬСЕЛЬХОЗТЕХНИКА" (ТОВ. ЧЕГОДАЕВ)... ВСЕ ЕЩЕ ПО СТАРИНКЕ РУКОВОДЯТ КОЛХОЗАМИ И СОВХОЗАМИ ».

Сразу поняли : их скоро снимут. Надежались — наказывать будут всегда гласно, на людях. Однако так продолжалось только три года.

« СЕРЬЕЗНЫЙ СЧЕТ СЛЕДУЕТ ПРЕДЪЯВИТЬ К УЧЕНЫМ — ОБЩЕСТВОВЕДАМ... »

Это место в выступлении Алиева было банальным. На всех мало-мальски представительных совещаниях считалось хорошим тоном ругать обществоведов. Они служили мишенью для дежурных плевков там и тогда, где плевать было запрещено. Но здесь же прозвучали и иные мотивы :

« МЫ ПРЕДЪЯВЛЯЕМ БОЛЬШИЕ ПРЕТЕНЗИИ К РУКОВОДИТЕЛЯМ... ВЕДУЩИХ ИНСТИТУТОВ — ГЕОЛОГИИ, ПРОБЛЕМ НЕФТЕГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ». Названы еще 7 институтов. И уж никто не предполагал, что...

« СОВСЕМ НЕДАВНО ЗА ВЗЯТКИ ВО ВРЕМЯ КУРСОВЫХ ЭКЗАМЕНОВ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ ИМЕНИ АХУНДОВА АРЕСТОВАНЫ КАНДИДАТ НАУК Н. СЕИДОВ И СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ Б. АСКЕРОВ ».

Москва никак не давала санкции на арест преподавателей истории марксизма-ленинизма. Алиев на собственный страх распорядился « изъять их из обращения ».

В выступлениях Алиева, проникнутых неподдельным пафосом, пересыпались то с юмором, то с угрозами фамилии и чины

исключенных из партии, отстраненных от работы, арестованных...

« БЮРО ЦК КП АЗЕРБАЙДЖАНА ИСКЛЮЧИЛО ИЗ РЯДОВ ПАРТИИ ДИРЕКТОРА ФИРМЫ "СТРОИТЕЛЬ" ИСМАЙЛОВА » и т. д. и т. д. Бурные, долго несмолкающие аплодисменты. И робкая надежда в душе : может быть, что-то еще можно сделать в этом обществе. Уехать — не всегда мужество. И не просто. Заставить себя позабыть язык — а что ты, считающий себя интеллигентным человеком, без него ? Вывалиться из культуры, в которой вся прошедшая жизнь ? Да и для тех, кто остается, советская власть с законом все же лучше, чем без него.

...Халилов предложил мне написать книгу, вернее, брошюру к 50-летию установления Советской власти в Азербайджане. Написал — « Щедрая земля Азербайджана ». А почему бы и нет : помог же ему сработать годом раньше докторскую диссертацию « Идеи гуманизма в азербайджанской этике ». Халилова, только что утвержденного ВАКом доктора наук, назначили председателем правления Азербайджанского общества « Знание ». А уважаемому руководителю благодарный ученик преподнес две путевки в санаторий ЦК КПСС в Сочи. Мы хорошо отдохнули и полечились с женой...

Сейчас Халилов был щедрее :

- Загадывай — исполню любое желание.
- Разбогател ?
- Лучше. Книга понравилась Алиеву.
- Алиеву ? При чем здесь Алиев ?

Халилов снисходительно потрепал меня по плечу — сейчас он мог себе это позволить : его уже избрали кандидатом в члены Бакинского городского комитета партии, и он надеялся в скором времени стать министром юстиции...

— Фолиант делался для Алиева ! Халилов положил передо мной брошюру, аккуратно изданную в издательстве общества « Знание ». Действительно, моя. Несколько изменили начало, добавили глупое заключение, которое явно не ложилось в повествование, выпадало...

— Кто правил ? Испортили.

Халилов был счастлив. Большими шагами, весело подпрыгивая и насвистывая « мугам », он мерил номер гостиницы « Москва ».

— Неважно. Алиев велел отредактировать профессору Токаржевскому. Это его правило, чтобы не узнали стиля.

— Так он создает собственный ?

Халилов не понял иронии :

— Что ты ! — Он взял книжку, перелистал страницы... — За сто метров чувствуется твоя рука. — Подмигнул многозначительно : — как в моей диссертации... Так вот, завтра в три часа в Барвихе — знаешь, там есть шикарный ресторан для правительства ? — Алиев ждет тебя. Есть важный разговор. Машина нужна ? Нет. Что ? Занят ? Не дури. Такая встреча исто-ри-и-ческая ! — Халилов надул щеки, как капризный ребенок, и рас-смеялся.

* * *

... — Говорите, что наказания не помогают и способствуют лишь ожесточению? Усугубляют враждебность и отчаянную решимость? Допустим. Выпущенные на свободу склонны преступать закон и прибегать к насилию, с которым они столкнулись в тюрьме? И с этим могу согласиться. Но помните: легко быть моралистом, занимаясь чистой наукой. А что делать простому человеку? Мириться? Жаловаться? Кому?

Алиев чувствовал, что его убежденность производит впечатление, и говорил откровенно.

— Давно в Азербайджане? Родились? Представьте, духанчик — знаете, что это такое? Скажем, в Ленкорани, или даже в Баку. Прилично одетые «господа», за плечами которых не одна судимость, с хорошими манерами, обедают с неким партийным работником или судьей. И за чаем — в Азербайджане у нас любят чай — заключают сделки. К сожалению, это не фантазия. У этого судьи и у этого партийного работника есть имена. Они в настоящее время арестованы. Читали республиканские газеты? Жаль. Социологу очень полезно. Сейчас для нас самое существенное — наладить сбор и обработку материалов. В республике сложилась ситуация, когда статистическим данным доверять не приходится. Партийные каналы беспомощны. Недавно проделали небольшой эксперимент: потребовали у горкома объективный анализ состояния партийного просвещения в одном из институтов. Так вы

знаете, что сделали они? Запросили райком, райком — первичную организацию. Там составили справку и обратным ходом: райком — горком — она оказалась у меня. Мистификация. И так почти во всем. Нам нужен в ЦК собственный центр информации. Скажем, поначалу — Сектор, подчиненный непосредственно секретариату ЦК и только секретариату, способный самостоятельно систематизировать факты. Вот если вы согласны — в ЦК КПСС возражений не будет...

Думаю: это и есть реальная возможность, о которой мы не раз говорили с Румянцевым, мечтали с Осиповым — провести комплексное социологическое исследование целого района или области. А здесь — вся республика. К тому же Алиев — человек интересный и... влиятельный.

Это из фантазии. А пока что надо вернуться к реальности. В суровую, так сказать, действительность. Она и впрямь сурова: отказаться — плохо, решиться — не просто. Чтобы выиграть время, говорю:

— Я ученый.

— Отлично. Именно социолог нам и нужен. Знаком с вашими работами. И знаете — именно психологический подход нам особенно важен. А то, что ученый, — не из аппарата, так в этом вся суть — свежий взгляд, со стороны. Кроме того, поделюсь секретом: Политбюро приняло решение создать в пяти городах Союза факультеты организаторов промышленного производства.

Понимаете, что это значит? Реорганизация всего управления! Один из них — в Баку. Так что если не приживетесь на партийной работе, назначим деканом. Институт создадим.

...Соглашаюсь. Интересно, что получится?

Получилось — Алиев был доволен: на каждом бюро ЦК он внимательно прослушивал доклады и отчеты секретарей и министров, а затем очень спокойно и аргументированно замечал, изредка поглядывая в свои записи, — память у него была превосходной:

— Это не вполне соответствует положению дел... Дело обстоит так... А это — сплошная подтасовка фактов!

И тогда в решение бюро ЦК записывалось: «Бюро не удовлетворено выступлением Баширзаде, который вместо того, чтобы объективно проанализировать недостатки в деятельности возглавляемого им министерства и сказать о шагах, предпринимаемых для их устранения, занялся самовосхвалением, преувеличивая значение проделанной им работы». 1)

Поражались: откуда у Алиева столь основательные и исчерпывающие сведения. Может быть, ГБ подслушивает домашние разговоры, или кто из своих «стучит»? Потом догадались: Сектор информации. И к социологам стали относиться с неприязнью, побаивались.

1) Из протокола 5 апреля 1972 года.

Недоверие к нам со временем стало потребностью самого Алиева. Видимо, сказалось негативное влияние отчетов Сектора информации. В них многое смещалось в сравнении с той картиной, которую ему, Алиеву, рисовали заведующие отделами ЦК. И Алиев взял себе за принцип все ставить под сомнение: то, что хвалят, — ругать, что ругают, — хвалить. Все-таки ловко устроен человеческий разум: какие хитрые формулировки умеет он находить в своих глубинных закоулках для того, чтобы... не думать.

Этим немудреным принципом Алиев начал руководствоваться и при оценке материалов Сектора информации. Ни о каком объективном исследовании в этих условиях не могло быть и речи. И постепенно характер работы Сектора меняется. Обсуждение информации заменяется ее классификацией, разбор — маркировкой. Но, как говорится, свято место не бывает пусто — и сотрудники Сектора все больше и чаще уходят в написание докладов и статей для первого секретаря ЦК.

А что стало со сбором информации? Соответственно, он передоверяется тем, у кого на нее всегда в России монопольное право — КГБ.

Уже давно знал, что невозможно быть свободным человеком, оставаясь коммунистом. Но позволить превратить себя в орудие не мог: чем глубже знакомился с Алиевым, тем сильнее и больше росли сомнения. Примирить его цели и средства со своей совес-

тью становилось все более сложно. И решил то, что решил бы и без него, — уехать из России: с Алиевым или без него — лицемерие было и оставалось, хочешь жить честно — следует бороться или уйти.

Это была красивая мечта. Путь к ней окажется сложным: впервые увижу, как легко могут отворачиваться друзья, жалеть, не смея помочь. Попытаешься, чтобы не унижаться, быть гордым — окажешься одиноким. Еще одна надежда стореда, соприкоснувшись с действительностью. Может быть, для того, чтобы возникла новая? Люди живут и реальностью, и мечтой...

В шумном хоре угодливых превознесение Алиева становилось неременным условием карьеры, гарантировало на известное время от расправы. Только один человек, секретарь ЦК Джафаров, смел иметь собственное мнение, а иногда, элегантно играя словами, — был он достаточно умен и образован — высмеивал прямолинейные суждения Алиева, протестовал против немотивированных решений. Понимал: все равно снимут. Алиев, однако, решил иначе: оставаясь внешне лояльным, ловко и тайно подстрекал на Джафарова других. В этом был чисто алиевский стиль — вероломный, дерзкий, вызывающий.

На каждом заседании бюро ЦК или даже пленуме кто-то брал на себя роль оппонента Джафарова. Его ругали за то, что чаще необходимого посещал Русский театр — значит пренебрегает национальным искусством, за

издание собственных книг — подавалось, как злоупотребление служебным положением, за некомпетентность — намекалось на академическое прошлое.

Джафаров ждал, когда Алиев бросит козырную карту: был и он грешен — за счет широких презентов построил себе две дачи. На Востоке родственные связи священны — перетянул в Баку племянников и племянниц, устроил в институты, помог получить квартиры.

Но Алиев почему-то не спешил снимать Джафарова — он был последним из наследства Ахундова. Это делало заседания бюро ЦК Азербайджана необычными для СССР: на них раздавался голос несогласного, голос Джафарова.

* * *

Меня иногда спрашивают, как проходят заседания Политбюро, возможно ли противоборство мнений? И да и нет. Да — потому что в Политбюро представлены люди неодинакового образования, интересов. Нет — поскольку прошлый опыт этих людей унифицирован, принцип отбора таков, что туда попадают работники строго определенных качеств и характеристик, и существует единство главных целей — удержаться как можно дольше. А посему противоречия не выходят наружу. Вернее, если вываливаются, то это чье-то начало или конец существования. На одном и том же заседании бюро

или оппоненты «поедают» Генсека, или он — оппозицию. Если даже по причине временного равновесия сил сейчас же не начинаются расправы, они будут в скором времени — Политбюро как организм не приемлет чужеродного тела, отталкивает его. Оппозиция, если не побеждает, непременно оказывается в меньшинстве: самые робкие ее члены перебрасываются на сторону Генсека. И наступает реакция — из Политбюро удаляются в порядке очередности: наиболее влиятельные адепты оппозиции, затем колеблющийся центр и наконец те, кто когда-то предал и оставил ее.

Предвижу возражения: существуют расхождения в бюро между консерваторами и либералами. И верно: случается иногда, что партократия жертвует наиболее ревностными ее почитателями — догматиками. Они отдаются на растерзание новым силам, рвущимся к власти. Но здесь действует простой расчет: консерваторы, одряхлевшие и скомпрометированные бывшими связями, лишают режим гибкости, в то время как «либералы», охотно предав и продав свои принципы за место под солнцем — за членство в политбюро, — становятся консервативнее консерваторов. Цепляясь за только что приобретенные привилегии, губят и душат любой «диссидент» (не исключено — и тот, на гребне которого они поднялись). В дураках остается народ, который еще раз предали.

Пока Генсек остается Генсеком, для него нет невозможного: партаппарат полностью

в его распоряжении. И это — единственно реальная сила. Другие члены политбюро оторваны от аппарата, для них представительство в политбюро — акт престижа, или связаны с небольшой его частью — с пропагандой, кадрами. Они зачастую беспомощны и сами постоянно находятся под обстрелом партаппарата, послушного и покорного в руках Генсека (их критикуют время от времени за деятельность курируемых ими министерств и ведомств).

Но почему не допустить на бюро хотя бы некоторой степени свободы, откровенного, делового обсуждения? Решения от этого только выиграют, будут более продуманными и обоснованными. Но кто сможет измерить, где кончается дискуссия по существу, рассмотрение и прения, а где начинается подрыв авторитета секретаря? Видите, куда могут привести вопросы. Не лучше ли заранее распределить роли? Так что если и приедут ревизоры из столицы, не почувствуют, а узнают — не скажут. И в Москве не иначе. И Джафарова сняли. Но до этого он позволил :

— Ты писал статью в «Правду»?

— Нет. Суходеев.

— Врешь. Но все равно плохо. Есть новость, даже две — занятная и дрянная. Тебя переводят в Москву : будешь в секретариате редактировать материалы к съезду и ждать Алиева. Его забирают в ЦК КПСС секретарем. Поздравляю. А вот другое известие — у меня рак. Так что приедешь на похороны...

В ЦК КПСС было: душевная сухость, черствость, равнодушие. Дураков подчиняли, слабых эксплуатировали, умных и сильных стремились превратить в друзей. И всех — в орудия личных интересов.

Джафаров оказался не вполне прав: у него действительно была опухоль мозга, и он умер, но Алиева не утвердили секретарем ЦК КПСС. Он выступил на съезде неудачно, заискивал перед Брежневым, перебрал в подбострастных и верноподданнических реляциях, а может быть, Брежнев просто решил повременить и еще раз присмотреться к деятельному секретарю — не пришло, видимо, время переносить эксперимент в центр. Да и сам Алиев с годами стал осмотрительнее: в тупиковом исходе своих дел он приблизился к перекрестку, где надо было решать, стряхнув остатки доктринерства, двинуться дальше! Не отважился. Он застрял на полпути, устранившись неминуемых последствий, запутался и стал путать других. Это не зачеркивает его вопроса. Это побуждает других ставить их иначе. И искать ответы. Другие ответы, надежные.

* * *

...Баку был белым, как в шторм застывший седой Каспий. Солнце, нависшее над набережной...

— Уезжаешь, значит?

— Да.

— Ничего не достиг полетом, решил хоть чего-то достичь хромая?.. Сумасшедший.

— Кто?

Алиев смотрит на меня хмуро, сдвинув брови. Задумался:

— Действительно, кто? — отвернулся: боялся первого движения души — оно было искренним.

Потом была автострада, широкая, прямая, как взлетная полоса. И взлетная полоса — как автострада.

В Мюнхене спросили:

— Ситуация в Азербайджане не похожа на Уотергейт?

Подумал: почему в Европе так смутно представляют то, что происходит в России.

Глава IV

...ДОСТИЧЬ ХРОМАЯ

Что если попытаться жизнь, как киноленту, прокрутить в обратную сторону — от конца в начало. Остановить пленку. Присмотреться. Вдуматься...

Самолет из Вены летит назад. Шереметьево. Таможенный осмотр... Из чемодана выбрасываются рубашки, книги, сваливаются на пол. Топчут грязными ногами. Невинно смотрят на тебя — возмущаешься? Нельзя. Может быть, помочь им? Что-нибудь сбросить?.. Руки таможенника рвут теплую шапку. Что ищут? Зачем? И мне что-нибудь порвать? Не жалко. Кадр остановился. Быстрее! Об этом не хочется вспоминать.

...Большое здание на Старой площади — ЦК КПСС. Двое: я и маленький человек. Собственно, не совсем маленький — Пилипенко, зав. сектором в этом доме. В его тщедушных хилых руках — вся философская наука. Перед ним сгибаются гордые академики, встреч с ним ищут тщеславные профессора.

— Как это вы, Илья Григорьевич, так опустились. В Израиль решили податься. Нехорошо. А мы вам верили. Дело большое доверяли, за границу посылали... Стыдно, а? Небось, погорячились. Подумаешь, национальное чувство. Ну и что! Вот я украинец, и мне в метро кто угодно крикнуть может: «Хохол!» Пусть кричит — с меня не убавится. Как нехорошо все получилось. Что вам не хватало? Машина персональная, квартира. Где дискриминация: вот вы — еврей, а мы не возражали, когда вас профессором утверждали. В 32 года доктором наук были. Как некрасиво! Врагам помогаете. А ведь в партии были не новичок, в ЦК работали...

Остановился, устал. Напился лимонаду.

— Выпить хотите? Так вот, совещались мы здесь с товарищами... — Посмотрел на потолок, понизил голос. — Наверху, с руководителями.

Голос Пилипенко стал холодным, фразы жесткими.

— Кафедру, извольте понимать, доверить не можем. И философию читать поначалу нельзя. Но вот атеизм — это можно. Поедете в Кировобад — я говорил с Алиевым. Согласен — поможет. Заслужите — восстановим в партии. Не сразу — через пару лет. Скажем конкретно — через три года. А там, глядишь, в столицу перетянем. Вот вам бумага. Напишите, как было, кто совратил. От чистого сердца, с чувством. Больше кайтесь. Партия поймет — пожалует. Десяти минут

хватит? Хорошо — 15, не больше, — пригрозил пальцем.

— Что, не желаете? — побледнел, закричал. — Как?! Вы в своем уме?

— А вы, товарищ Пилипенко? — хорошо бы возвратиться и сказать ему. Тогда решимости не хватило, промолчал.

...Быстрее, быстрее надо прокрутить тяжелые кадры. Потом будет долгая глупая голодовка, бессмысленные телеграммы — в никуда. Вот бледное лицо редактора «Правды» Суходеева. Кусает губы — лучший друг сволочью оказался: в Израиль вздумал податься. И говорил же себе: подальше, подальше надо держаться от евреев... А ведь дарил фотографии, книжки у мерзавца есть. Что теперь будет? Надо б с Красиным связаться. Посоветоваться...

Гвишиани спокоен, торжественен. Глаза не смотрят:

— Где поздравительные телеграммы, которые посылал?

— Не было их, Джермен Михайлович.

— Не было? — оживился. — Так... Рукописи мои не остались?

— Передал.

— Все? Понимаешь, здесь правда важна.

— Да.

— Хорошо... Ступай... Ступайте...

В дверях остановился.

Гвишиани: — Хорошо, хорошо, прощайте... До свидания, — слегка помахал пальцами.

Я: — Может быть, поможете уехать?..

Проворачивается пленка дальше — назад. Ярославль. Безвкусно обставленный кабинет — партком медицинского института. На стене портрет Брежнева. Стол под зеленым сукном.

— Это сионистская провокация. Не разглядели — виноваты. Не разобрались — ошибка, — ректор института профессор Стовичек волнуется. Слова получаются дежурные, случайные. Стыдно — он умница. А я молчу. Жду.

Мухо — рябой, с шишковатым лицом и мелкими желтыми зубами, в грязном галстуке с толстым узлом на оранжевой рубашке навывпуск...

Было видно: не по грамотности был назначен он секретарем парткома института, не получил никакого воспитания — ни семейного, ни даже школьного — такой часто пропускает уроки, терроризирует учителей, бьет фонари на уличных столбах. Мухо не был исключением в партийной организации Ярославля. Его недостатки сливались бы в однородной ему среде, если бы он не пытался их скрыть — проявлял назойливые претензии, превышающие его возможности. Мухо пробился наверх не собственными силами — его вытащили на поверхность и ввели в коллектив института благодаря протекции КГБ, где он исполнял до этого обязанности осведомителя. И вот сейчас — в новом качестве руководил партийным комитетом.

— А почему профессор Земцов захотел в Израиль? А может быть, хочет скрыть чер-

ное пятнышко в своей биографии? Надо бы узнать — запросить товарищей. Что мы знаем о Земцове? — дипломы. Во — сколько их! А как он их получал — вопросик! Книжки — не много ли в 33 года? Наши-то ярославские ученые в месяц статью не могут издать, а тут у него, у Земцова, что ни неделя — статья. Темное дело, товарищи.

Когда в Советском Союзе хотят кого-нибудь уничтожить без должных на то оснований, то обычно распространяют о нем гнусную клевету. Мухо знал об этом правиле.

— Разговаривал я давеча с очень ответственным инструктором ЦК — Квасовым. Так вот, он предупредил нас: надо быть бдительными. Партия не потерпит аморальности. Земцов у нас просит характеристику, а мы скажем ему: не-ет, погодите. Сперва мы узнаем, кто вы.

Лицо Мухо расплывается в улыбке. Шутка ли — его принимали в Москве, в ЦК, советовались в обкоме — ЧП какое — зав. кафедрой философии — сионист! Ему уже видится громкий политический процесс, скамья подсудимых. Он обвинитель. Забыл о собрании — мерещится: срывает маски с людей. И каких людей! О которых раньше думал с елейной завистью и глухим беспокойством. Он еще покажет, на что способен. Видится: вот секретарь всего обкома Лощенков руку ему в волнении пожимает: молодец вы, Мухо, горжусь вами... А почему Лощенков, а не в ЦК? Дух захватывает —

он ведь только оттуда: дорогие пушистые ковры, плотные глухие двери. Телефоны — белые, красные, черные. Мухо подтягивается на коротких ногах, всматривается в коллег — иронически, снисходительно, немигающими серыми глазами — они, глупые, еще и не знают, что не Мухо перед ними... Забылся и... срывается:

— А кто покровительствовал Земцову? Кто сделал его зав. сектором в ЦК? — делает паузу и скороговоркой презрительно: — Алиев. А почему? Что их связывало?

Проценко нервно стучит пальцами по столу: Алиев — член ЦК КПСС — не следует о нем говорить дурно. И вообще лучше не вспоминать. Мухо перегнул. Но Мухо не замечает.

— Есть сведения: Земцов статьи писал Алиеву. Что — было? — обращается к Земцову. — Молчите? Было, было, товарищи.

Проценко хрипло: — Товарищ Мухо, не отклоняйтесь. Кто еще хочет по существу? Вы, — указывает пальцем на проректора, профессора Новикова. Новиков — только вчера из отпуска, растерян, события надвинулись на него неожиданно: уезжал — все было тихо. Земцов, почитаемый человек, в обкоме его лекции хвалили. Что сказать? Что же все-таки сказать? Растерянно:

— Я — хирург. Опухоль надо удалять основательно. Вот был в больнице случай такой... Что это он вдруг о больнице, куда его занесло? Надо короче.

— Исключить из партии.

Слов этих будто ждали. Почтенные ученые заволновались, зашумели. Реплики с мест. Собрание поломалось — кричат, перебивают друг друга :

— Гнать негодяя!

— Сионист проклятый!

— Шпион, поверьте! Шпион — не иначе.

— Да он рехнулся. В больницу его!

Надо сдержаться. Чувствую: пальцы впи-ваются в ручку кресла — синеют. Надо подумать о другом, не слышать. Считаю: один-два-три... восемьдесят четыре, восемьдесят пять... сто два, сто три...

— Земцов! — зовет Мухо.

Кажется, меня. Двадцать два члена парткома — мужчины и одна женщина — с любопытством наблюдают за мной. Замечаю — тишина.

— Вы хотите что-нибудь сказать?

Что-нибудь? Почему что-нибудь? — многое: о том, как зачисляют в институт — конкурс родителей, как проходят экзамены: обком дает указание — не ставить в ознаменование 50-летия образования СССР двоек. И все успевают. Как принимаются кандидатские экзамены... Звонит секретарь обкома Морозов:

— Илья Григорьевич, у нас товарищи из Костромы. Надо бы им подсобить с кандидатским минимумом.

— Сейчас? Поздно. Только в ноябре по инструкции ВАКа.

— А вы-то задним числом... Поймите, очень нужные люди...

— Каждый норовит получить степень, — жалуется Стовичек, — а денег нет. Мест тоже. Сокращаем уборщиц, урезаем фонды студенческие.

— Так и не принимайте к защите.

— Не принимать? А разве мы решаем? Обком.

* * *

...Стою, как пес. Все понимаю, сказать не могу. Да и какое мне дело до них до всех.

— Я обратился в партком для получения характеристики на выезд в Израиль, — говорю торопливо, чтобы не перебили. — Партком некомпетентен ставить вопрос о моем пребывании в партии без ведома и решения первичной организации факультета... — Делаю паузу, медленно расставляя слова :

— Это нарушение устава КПСС.

Мухо смотрит на Проценко. Проценко, уткнувшись в бумаги, говорит сквозь зубы :

— Есть мнение — объявить перерыв до завтра... И совсем тихо : — Идиоты...

Под утро разбудит стук в дверь :

— Земцов Илья Григорьевич ?

— Я.

Два санитара деловито берут меня под руки.

— Кто вы ? Как вы смеете ? Что это значит ! Дайте одеться... Смеются.

— Погоди, голубчик, приедем — обрядим.
Больница. Врач смотрит нежно, почти отечески.

— Укольчик сделать придется. Зачем это вам? Прав Михаил Николаевич, — косится на рядом стоящего зав. отделом обкома партии Шапошникова, — он добрый — в лицо ему говорю, помочь хочет вам. Напишите, мол, ничего не помните... Мы справочку выпишем — депрессия была. А заявление об Израиле заберите. Слыхано ли, зав. кафедрой ленинской — слово-то какое! — философии к фашистам вздумал ехать.

* * *

Картина следующая : конец 73 года. Баку, ЦК КП Азербайджана.

— Хочу говорить с тобой откровенно, — в голосе Алиева было что-то таинственное и тревожное, я внимательно посмотрел на него : лицо в синих тенях, холодные глаза. Длинные пальцы рук были сжаты в кулаки и немного дрожали — Алиев был в гневе.

— Хватит куражиться. Или ты отказываешься от Израиля, или... Он резко взмахнул рукой и остановился посреди комнаты.

— Прикрывать тебя не буду. Звонил Цвигун, спрашивал : имел ли ты доступ к закрытым материалам.

Он помолчал, подумал.

— Я сказал — нет. Почти нет...

— Мне разрешат уехать ?

— Глупец ! — он посмотрел на меня с

сожалением, — тюрьма — не самое страшное, что тебя ждет. Алиев энергично потряс головой, провел рукой по голому темени.

— Ты позоришь республику, меня, наконец.

— Вас ?

— Не Даяна, конечно. Я — не он — рекомендовал тебя в ЦК.

— Так ведь самое лучшее мне быть там, где ни Капитонов, ни Квасов до меня не дотянутся.

— Никак шантажируешь ?

— Что вы ? Нисколько. Просто, если что со мной случится, — я волновался, но говорил негромко, — скажут, ваша работа : избавились от неугодного свидетеля.

Посмотрел на Алиева : ни один мускул не дрогнул на его лице. Он развалился в кресле, как вареная рыба в блюде, взял папиросу, закурил :

— Ты так думаешь ?

— Да.

— Очень может быть... что это тебя погубит.

Назавтра меня вызвали в ОВИР. Полковник Ибрагимов был вежлив, но сух.

— Сколько времени вам нужно, чтобы собраться ?

Удивился : со мной вновь были корректны. Догадался : мне разрешен выезд в Израиль !

* * *

Еще один кадр — следующий. Кто это? Семенов.

— Я говорю вам, жизнь кого хочешь ломает. Послали меня в Александров. Глухое место — это на сто первом километре от Москвы, живут лишенцы после отсидки, которым в Москве не положено. В основном политические. Им каждую неделю требуется в милицию являться — отмечаться. Но они интеллигентные — живут в Москве, а на такси по понедельничкам заявляются. Кто смиренный — власти не замечают, а кто подписывал заявления всякие, так мы таких — цап! Если мелкота — 15 суток, а если из известных — в больницу — аминазинчик или циклодол. После этого неделю голова раскалывается, язык вываливается. Мы — сила, для нас различия нету. Велят — секретаря горкома упрячем. И чистенько — санкции не требуется. В нашей больнице среди хроников — и председатели райисполкомов, и профессор один, и писатели имеются. Кто вправду больной, а больше — за проказы всякие. Храпченко семь лет в Сибири прокурором был. Дом имел, рассказывают, хоромы — сам Руденко к нему приезжал. Сгикнули Хрущева, а его, голубчика, к нам. Говорят: видел много. Но не страшно — живет. Палата отдельная, книги — пожалуйста. Случается на праздники домой отпускаем.

— Вы врач?

Гордо: — 17 лет в областной больнице и

ни одного замечания. Дай бог детям моим не хуже...

Люди — что происходит с людьми? Люди — что с ними сделали? Недоверчивые, неискренние, напуганные. Как низко пали, во что превратились. У них отнято то, на что каждый имеет право, — совесть. Почему они уезжают? А может быть, — их тысячи — выйти отчаянными, обманутыми толпами на всю эту гнусность и мерзость. И тогда не в далекой дали обретут землю обетованную. А здесь. Кто-то остается. Мы должны ехать.

Когда все это кончится? Не знаю: гниение — не жизнь, распад. Средство лечения — правда. Правда об окружающем, о самом себе. Человек распрямится — когда, как? Если бы знать! А если и нет — не успеет, простите ему. А почему, знаете? Нет? Тогда послушайте, что скажут о нас внуки:

— Деды у нас молодчины, вырвались и нас увезли из той жизни.

* * *

...Странное чувство, когда гуляешь по Иерусалиму. Устал — а на душе праздник.

С удивлением смотрю на сына — сосредоточенное лицо, задумчивые глаза. Жизнь прошла, словно спринтерским бегом. Успеть и мочь быть впереди. Иначе — сбросят с круга. Независимо от места и должности, трудишься изо всех сил — нет более усердного, преданного и равнодушного служаки. А он ждал: еще год, еще месяц. Рестораны

— работа, театры — деловые встречи, годы — мероприятия. И когда до финиша оставались шаги, остановился, оглянулся: жизнь прожита напрасно, бесцельно. Уехал — начать жизнь сначала. А может быть, заново? И наконец у себя дома. Неужели все, что было, — переходная станция от прошлого к настоящему?

Золотые гирлянды электрических огней расплзлись по улицам, нависли над домами.

— Это потому, что город вечерами иллюминирован. Здесь всегда так, там — только в праздники. Хочется добавить что-то глубокомысленное: мол, прошлая жизнь была черно-белой, здесь будет — в цвете. Должны же быть, черт возьми, когда-нибудь живые краски. Но я молчу, смотрю на деревья, с которых почти облетела листва, на верхушки, которые сливаются с хмурой белизной неба. Думаю: придет весна, распустятся почки, и деревья станут похожими на графические рисунки.

СЕРИЯ « СВИДЕТЕЛЬСТВА »

Свидетельство И. Земцова отличается от предыдущих тем, что исходит оно от человека, принадлежавшего той системе, которую он ныне описывает и критикует. Положение « придворного социолога » при первом секретаре ЦК Компартии Азербайджана позволило И. Земцову собрать материал, тщательно скрываемый советскими властями, и изнутри раскрыть болезнь коррупции, которая все глубже и шире разъедает советское государство.

В той-же серии :

1. Э. Кузнецов — Дневники (1973)
2. Г. Свирский — Заложники (1974)
3. « В.С.Х.С.О.Н. » — Люди, идея, программа, суд (1975)